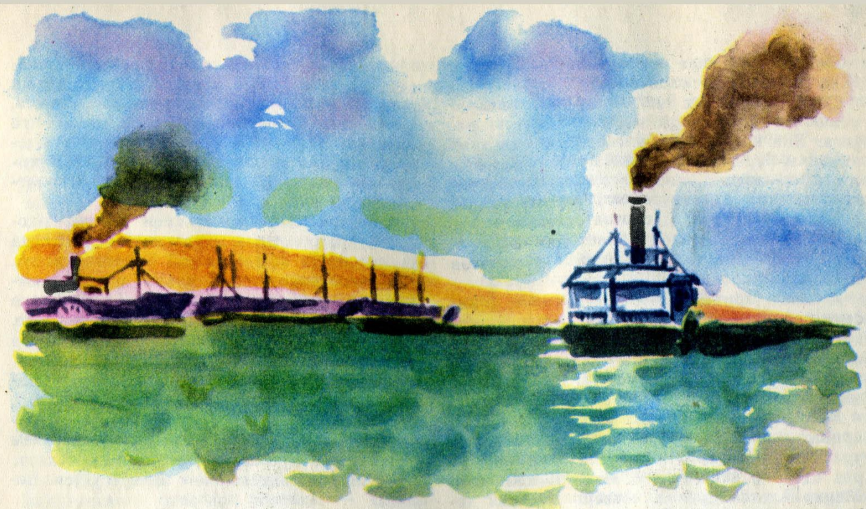

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ 75 4

Рис. С. Трофимова

ОТРАДНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Летом семья Ульяновых едет из Симбирска в деревню Кокушкино. Первый этап путешествия — на пароходе по Волге, до Казани. Прокатиться по Волге, да еще вместе с отцом, который умеет так интересно рассказывать обо всем, что открывается взору, — это, по словам старшей сестры Володи Анны Ильиничны, было «лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров». Как жадно ловили дети каждое слово Ильи Николаевича!

— Всегда любящий и добрый, во время этих путешествий он бывал особенно заботлив, баловал нас особенно. У меня остались в памяти от того времени некоторые мелочи, полные такой тонкой предусмотрительности, на какую не всякая мать была бы способна. И, доставляя нам массу удовольствия, поездки эти всегда еще теснее сближали нас с ним.

...Звучат сигналы отправления, и двухпалубный пассажирский пароход медленно и важно отчаливает от дебаркадера. Разворачиваясь носом к середине реки, он дает прощальный гудок и постепенно убыстряет ход.

Володя непоседлив. Ему не терпится скорее узнать, что делается в машинном отделении, на капитанском мостике, в каютах, на палубе. Ощущение необыкновенной легкости охватывает его. Отстают, уменьшаются в размере знакомые строения на берегу, уплывает вдаль любимый Новый Венец. Нос парохода врывается в надвигающийся на него голубой простор.

Светло-голубая вода и синее небо без конца и края. Позднее, в своем гимназическом сочинении, стоящая сейчас рядом с Володей на палубе сестра Оля попытается описать то, что они видят вокруг себя:

«Летнее солнце, стоя высоко в небе, ярко освещало необозримую водную поверхность; местами отражение солнца в воде было так сильно, что больно было смотреть; вокруг все было тихо, так тихо, как никогда не бывает на земле. Свежий ветерок уменьшал зной дня, и на пароходе было несколько не жарко. Я почти все время стояла на палубе и любовалась волжскими берегами. Мне так понравилась Волга, медленно катившая свои светлые воды, ее красивые берега!»

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ 75 4

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина.
Журнал основан в 1928 году.

Медленно плывет пароход вверх по реке. И дети рады его несшему ходу.

Солнце клонится к закату. Постепенно меняются цвета воды и неба. Темнеют берега. Вот красный диск совсем скрылся за высоким берегом, и только по небу в месте его исчезновения широко разлилось багряное пятно. Оно тускнеет, сереет, уменьшается в размере, и соответственно этому чудесные превращения происходят с берегами, с Волгой, с очертаниями предметов на палубе парохода.

А затем приходит ночь — темная, таинственная, словно рожденная фантазией сказочника. С высоты, точно глаза каких-то неземных существ, глядят звезды. Месяц протянул по воде золотистую, трепещущую дорожку.

Палуба давно опустела. Спит в своей кроватке маленькая Маняша. Не без труда удалось уложить Митю. Для Оли на сей раз сделано исключение. Илья Николаевич, Мария Александровна, четверо старших детей одинокой группой молча стоят у перил и не могут отвести глаз от волшебной, фантастической картины, которая разворачивается вокруг них.

Одно дело — любоваться прелестью ночи в городе, в деревне, даже на крутом волжском Венце. Это тоже удивительно красиво и доставляет огромное наслаждение. Володя, Аня, Саша такое чувство испытали не однажды. Но насколько сильнее подобные ощущения, когда ты со всех сторон окружен водной стихией, когда вокруг все движется, переливается, живет, когда ты и сам проникаешь все глубже и глубже в эту неизведанную, манящую темень!

Поспав часа три в каюте, Володя чуть свет снова на палубе — не пропустить бы восход солнца! И снова он наблюдает то, чем наслаждался вчера вечером, только в обратном порядке. Серые краски на небе не сгущаются, а, наоборот, светлеют. Затем справа, вдали на горизонте, несмело рождается розовое пятнышко. Оно растет, ширится, из розового становится красным, затем пунцовым. Выкатывается огненный шар и радостным светом озаряет спокойную гладь реки, плоты и баржи, дома и деревья на берегах.

В Казани, на пристани, Ульяновых обычно встречает кто-нибудь из родственников, Веретенниковых, не успевших до этого уехать в Кокушкино.

На рассвете следующего дня к дому Веретенниковых подъезжают повозки. Начинается второй, заключительный этап путешествия — на лошадях.

Сорок верст в тарантасе по плохой проселочной дороге — не столь уж завидное времяпрепровождение. Но Володя рад чрезвычайно: сколько новых впечатлений, как много можно увидеть!

— Покоев, прочен и легок на диво слаженный возок! — приветствует он стихами въезжающих во двор крестьян-ямщиков.

«На диво слаженный возок» — не что иное, как запряженная парой лошадей плетенка на дрогах, то есть самая обыкновенная крестьянская телега с кузовом, сплетенным из ивовых ветвей.

Иногда семьи Ульяновых и Веретенниковых отправляются в деревню вместе. Когда размещаются в повозках, Володя просит, чтобы его посадили на козлы, рядом с ямщиком. Здесь он чувствует себя особенно хорошо — точно на капитанском мостике.

— А что, дядя Ефим, был бы кнут, а лошади пойдут?

В дороге ямщик время от времени достаёт из кармана брестяную табакерку, двумя пальцами берет из нее понюшку табаку, долго и с видимым удовольствием вдыхает его аромат. Затем громко чихает.

— Зачем нюхаешь? — интересуется Володя.

— Мозги прочищает.

Володе нравится остроумный ответ ямщика. В голове мальчика рождается забавная ассоциация: чихнуть — прочистить мозги. Веретенников Коля, двоюродный брат Володи, вспоминает, что, услышав от сверстника какую-нибудь глупость, Володя тут же советовал:

— Чихни! — То есть прочисть мозги.

Сидя на козлах, Володя и минуты не остается спокойным. Он шутит, перекидывается с возницей остротами, рассказывает ему различные смешные истории.

— Ну и забавник! — восклицает кучер.

— Кто? — спрашивает Коля Веретенников.

— Да брательник твой. С ним не заметишь, как доедешь и на ленивых лошадях.

И впоследствии ямщики, возившие Ульяновых, не раз задавали Коле вопрос:

— Скоро ли должен приехать твой брательник?

— А что?

— Да уж больно занятый! Я и не видел таких парнишек — на все у него загвоздки да прибаутки.

Выезд из Казани — ранним утром, покуда еще не взошло солнце. Надо добираться до Кокушкина засветло.

Тихи и сонны казанские улицы. А за городом оживленно. Дорога запружена и конными и пешими. Из ближних и дальних сел крестьяне торопятся на базар. Гонят коров, коз. Один сгибается под тяжестью куля с мукой, у другого из камышового кошеля за спиной гуси удивленно вытягивают длинные шеи.

Чем выше солнце, тем меньше людей на дороге. По обеим ее сторонам в белых платьях и зеленых косынках, словно девочки, выстроились в ряд молодые березки.

Листва на них еле колыхнется. Становится жарко.

Мерно постукивают копыта по твердой, утоптанной, давно не смачиваемой дождем земле, монотонно поскрипывают колеса, серые струйки пыли вырываются из-под копыт и колес и тут же лениво ложатся в колеи.

Длинный ряд белосветловых березок кончился. Теперь они чередуются с осинкой, елью, сосной. Вдали что-то блеснуло. Наверно, река? Нет, это под слепящими лучами солнца серебром отливают ковыль.

Справа и слева разлилось зеленое море хлебов. Зреют, наливаются колосья. Володя замечает, как светлеет лицо ямщика, когда тот смотрит на широкие волны, медленно перекатывающиеся по колосистому полю.

— Дядя Ефим, что тебе больше нравится — рожь или пшеница?

— Да разве можно сравнивать? — не задумываясь, отвечает возница. — Пшеница лишь по выбору, а рожь — та кормит всех!

И Ефим рассказывает мальчику о том, сколько пахарю надо потрудиться, пока тяжелым колосом оденется многохлебное поле.

— Не так дождем, как крестьянским потом напоено оно!

После ржаного поля дорога пошла лесом. В нос ударил смолистый аромат сосны. Многолетние деревья зеленым сводом накрыли повозки, и колеса застучали по выступающим из земли корням.

На дороге причудливой сеткой лежат тени ветвей. Тысячи золотых нитей протянулись сквозь разрывы в листве.

— Как в сказке!

— Ни в сказке сказать, ни пером описать!

Могучие сосны постепенно перешли в густой подлесок, тот стал редеть и вскоре вывел пудриков на опушку.

Перед ними расстилалась степь... Бескрайняя, слегка всхолмленная равнина, покрытая пожелтевшей от зноя травой, вблизи буро-зеленая, вдали темнеющая, лиловая, в дрожавшем дымчатом мареве.

Тишь, безлюдье, сонное царство. Лишь изредка из придорожного куста вспорхнет испуганная птица или далеко на горизонте покажется пасущееся стадо.

Небо какое-то особенно глубокое, светло-голубое, прозрачное. В вышине медленно кружит коршун, выслеживая добычу, потом сурепкой устремляется вдаль и застывает в небе, словно и его одолевает сон.

Едут час, другой. Все та же голая степь. Взгляд задерживается на кургане, на одинокой березе, на мельнице, застывшей на вершине холма.

Дорога приводит к небольшому хуторку.

Несколько покрытых соломой изб, затеявшихся в широкой степи. Колодезь с журавлем и деревянной бадьей. Подпертая столбами рига. И вокруг ни души.

В двух-трех верстах от хутора — еще более убогая деревушка. Грязные полуголые ребятишки копаются в дорожной пыли, облезлая собачонка тявкает на проезжающие повозки.

Солнце уже перевалило зенит, когда повозки остановились у поросшего осокой ручейка. Ямщики распрягли и напоили лошадей, задали им корм. Затем все расположились в тени кустарника, чтобы подкрепиться взятыми в дорогу припасами.

Быстро расправившись с едой, дети разбредаются кто куда. Одни гоняются за бабочками и кузнечиками, другие отгоняют от лошадей слепней и мух. Аня и еще несколько девочек собирают полевые цветы. Настоянный на разомлевших от зноя травах и цветах воздух кружит голову.

— С приездом Ульяновых в Кокушкино, — рассказывает Н. И. Веретенников, — наступал для нас настоящий праздник. Отменялись занятия иностранными языками, подготовка к переэкзаменам, и общий тон детского веселья повышался.

И дома, в Симбирске, природа окружала детей Ульяновых на каждом шагу.

Но совсем иное дело — Кокушкино.

Правда, деревушка эта самая захудалая. Ее жители так и не смогли встать на ноги после дичаства ограбившей их «крестьянской реформы». Полученные в результате «освобождения» крохотные отрезки земли позволяли еле-еле сводить концы с концами. Покосившиеся плевни, ветхие, пришедшие в негодность избы, внутри страшная бедность и убожество.

А вокруг буйно разросшаяся пышная зелень. Река. Лес. Пруд. Природа, щедро рассыпая свои дары, словно стремилась подчеркнуть, что человек создан для радости и счастья.

Роскошный пейзаж скрадывает притаившуюся по углам нищету, и Кокушкино на первый взгляд выглядит не так уж плохо.

Нравится здесь Ульяновым и их родственникам.

— Лучше и красивее Кокушкина, деревенки действительно очень живописной, для нас ничего не было, — говорит Анна Ильинична.

— Это был, — вспоминает Мария Ильинична, — очень живописный и хороший уголок, с речкой, на которой можно было рыбачить и кататься на лодке, со старым парком, в котором раздавались всегда голоса детей — их собиралось в Кокушкино много. Был недалеко и лес, куда мы ходили гулять. Поездку в Кокушкино мы, дети, очень любили...

Анна Ильинична замечает:

— Думаю, что любовь к Кокушкину, радость видеть вновь эти места передались нам и от матери, проведенной там свои лучшие годы. Но, конечно, деревенское приюлье и деревенские удовольствия, общество двоюродных братьев и сестер были и сами по себе очень привлекательны для нас.

Мать Володи Мария Александровна прожила в Кокушкине безвыездно шестнадцать лет. Здесь ей все родное, близкое, здесь она знает каждый уголок.

Выросшая в деревне, с ее полями, лугами, раздольем, Мария Александровна, по словам ее младшей дочери, страстно любила природу. Любимым ее удовольствием было бродить по лесам и полям, собирать полевые цветы, ягоды. Как оживлялась она при этом, с каким чисто юношеским увлечением предавалась она этим прогулкам! В городе она всегда вспоминала деревню.

— «Мне душно здесь, я в лес хочу», — декламировала она, бывало.

На прогулки по полям и лесам Илья Николаевич и Мария Александровна обычно собирают с собой сыновей и дочерей, племянников и племянниц. Если выходят из дому ранним утром, когда еще довольно свежо, отец по настоянию матери, беспокоящейся, чтобы он не простудился, прихватывает с собой пальто или плед — «наслоения», как он их называет.

В полутора-двух верстах от дома, на крутом берегу Ушны, у Бутырской мельницы, ласкает глаз красивая сосновая роща.

Неподалеку от соседней деревни Черемшьево, растянувшейся вдоль дороги в Казань, виднеется округлая возвышенность с пологими склонами. И холм и склоны густо заросли сосной и елью, а у подножия изумрудная хвоя со всех сторон окружена золотистым пологом ржи. Впечатление такое, будто какой-то великан бросил на поле свою огромную зеленую шляпу. Лес этот так и называется — Шляпа.

— «Когда волнуется желтеющая нива и свежий лес шумит при звуке ветерка...» — декламирует Мария Александровна лермонтовские строки.

Дети глядят сгибающиеся под руками тугие колосья, вдыхают аромат растущих вдоль межи полевых цветов, прислушиваются и к звонкой песне затерявшегося в небесной голубизне жаворонка, и к загадочному шуму вековых сосен. И светлая радость наполняет их сердца, и душа раскрывается навстречу прекрасному. Что может быть поэтичнее и великолепнее родной природы!..

Часто отправляются в так называемый Задний лес — через овраг, тропинкой, по которой с детских лет любит хаживать Мария Александровна.

— Нужно ягод насобирать и детей не

растерять! — не то в шутку, не то всерьез предупреждает Илья Николаевич.

Не растерять детей в большом лесу — задача не такая уж простая. Только вступят под сень деревьев — гляды! — а ребята уже враспынную. Кто ищет ягоды, кто собирает цветы, иные просто без всякой цели продираются сквозь густые заросли ельника.

— А почему у ели всегда острая вершина? — начинается разговор наблюдательная Оля.

Все задирают головы, разглядывают вершины деревьев. Действительно, у любой ели — молодой или старой — вверху голая веточка, одиноко устремившаяся в небо.

— Взгляните на сосну или вон на ту осину, — предлагает Саша. — Видите, у них вершина кроны закруглена. Это значит, что выше они уже не станут. Только ветки раздадутся вишрь и ствол потолстеет. А ель, пока не засохнет, будет тянуться ввысь. В этом ее отличие от других деревьев.

Кто-то из малышей вдруг с диким криком схватился за шею и даже подпрыгнул от боли.

— Проклятый муравей! — кричит он. — Всех бы вас уничтожил!

— Сам виноват, не забираться в чужие владения, — успокаивает его Саша. — Муравьи из этого гнезда уничтожают 10 миллионов вредных насекомых.

— А птицы? Саша, расскажи, пожалуйста, о птицах, — просит Володя.

— Ну, птицы — те настоящие спасители леса. Одна синица за день съедает столько гусениц и личинок, сколько весит сама. Маленькая мухоловка-пеструшка уничтожает более полутысячи яичек, из которых образовались бы гусеницы. Лес без птиц и птицы без леса не живут. Но об этом в другой раз. Слышите, нас зовут.

Пока одни ведут естественнонаучные беседы, другие во главе с Марией Александровной, вооружившись ножками, корзинками, ведерками и палками, собирают грибы.

Мария Александровна ведет детей в редкий молодой ельник, на поросшую мхом поляну — и в лукошках появляются душистые рыжики. Золотыми кнопочками засверкало на зеленом мху стадо лисичек. На лесной просеке, в самом открытом месте, на причудливо изогнутых ножках рассыпались грязновато-бурые свинушки — и впрямь свиное ухо! Красно-бурые, с клейкой шляпкой маслята, темно-зеленые и желто-бурые моховики, ярко-белые, перламутровые грузди, зеленоватые и красноватые сыроежки... Какое разнообразие цветов, оттенков, запахов, форм!

Володя хоть и позже других включился

в «тихую охоту», но уже имеет немало трофеев. Палочкой с развилкой на конце он, как опытный грибник, приподнимает нижние лапчатые ветки елок, отводит в сторону ветки кустов, заглядывает в самые укромные местечки. Один гриб, другой, третий... На крохотной полянке между трех березок словно кто-то разбросал бронзовые шляпки боровиков. Да их здесь целый выдодок!

Проходит совсем немного времени — а может, это только так показалось? — лукошки, корзинки, ведерки полны грибов, ягод. Но так не хочется уходить домой!

Современники отмечают необыкновенную восприимчивость ко всему окружающему, присущую Володе с самого раннего детства.

Коля Веретенников говорит о Володе:

— Он радуется солнцу, которое ярко светит; не пугает его и заслонившая солнце тяжелая грозовая туча. Он впитывает в себя все-все, как впитывает земля влагу.

«Какое счастье быть с природой!» — восклицал Л. Н. Толстой. Сказано просто, но сколько в этой короткой фразе глубокого смысла!

Общение с природой придает человеку физические и духовные силы. Наслаждение от восприятия широкого раздолья степи, бездонности неба, свежести лесной дубравы, шестла наливающегося зерном колосьев, пение птиц, журчание ручейка — сколько радостных, чудесных эмоций! Особенно ярко проявляется это в детстве и ранней юности, когда восприятие это так свежо, живо, непосредственно.

Доставляя огромное эстетическое наслаждение, природа пробуждает в человеке то «отрадное беспокойство», желание свершить нечто великое и прекрасное, которые отличают подлинного творца.

То, что взял от природы в свои детские и юношеские годы Володя Ульянов, осталось с ним на всю жизнь.

«Больше всего он любил природу, — пишет о своем брате Мария Ильинична. — Прогулки во все периоды его жизни были для него лучшим отдыхом».

Надежда Константиновна Крупская вспоминает:

«Ужасно любил природу. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетание красок».

И эту любовь к природе Владимир Ильич пронес через всю жизнь. В числе первых декретов, подписанных Лениным, были декреты о создании заповедников и заказников; его неустанная забота об охране природы и сегодня является для всех нас образцом истинно государственного отношения к бесценным ее сокровищам.

А. Иванский

КОЛОСОК

На нежную кипень облаков похожи цветущие яблоневые сады. Когда по весне расплескают они над землей свои белые хлопья, покажется на миг, что нет прозрачнее кисей, повисшей в лазурной вышине.

А потом нальются солнцем краснобокие яблоки, и войдет в сады духмяная тишина. И по вечерам будет слышно, как нет-нет да мягко упадет в траву сорванный ветром ароматный плод.

Конечно же, лучшая пора в садах — уборка урожая. Вот уж когда по-настоящему приходит к садоводам радость! Радость видеть полные корзины румяных яблок, радость сознавать, что труд твой не пропал даром.

Сады, сады! Сколько их у нас! Не сосчитать. И много среди них пионерских, юннатских.

Вспомним сегодня историю.

«Украсим Родину садами!» Под таким девизом не один год работали юннаты страны. И разве не их заслуга в том, что над многими деревнями и селами, над пришкольными участками повисают по весне радостные облака цветущих садов. И разве не их заслуга в том, что к знаменательным датам встают на земле нашей яблоневые куртины, вишневые аллеи, словом, молодые фруктовые сады, которым год от года множиться и множиться.

Вот и сегодня, в радостный день 105-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, добавятся к белой кипени новые облака садов. Таков уж юннатский закон — самые сокровенные, самые смелые свои планы посвящать этому славному дню. А что может быть лучше деревьев, которые через годы будут одеваться по весне в нежную кипень облаков! Что может быть лучше зеленого рукотворного памятника нашему любимому учителю и вождю!

Таковы традиции, таковы славные дела юннатов страны.

Мамаев курган

Впервые я увидел Волгоград ранним летним утром. Волга дымилась от тумана, покрякивали невидимые пароходы, мирно звенели трамваи. На набережной озабоченно хлопотали стайки голубей, то поднимаясь в воздух, то снова опускаясь на теплый, не успевший остыть за ночь асфальт. Красивый город, спокойный город.

А в сотне метров от набережной стоял дом. Вернее, то, что раньше было домом. Без окон, без дверей, без крыши. Стены его были изрешечены пулями, черный нагар от снарядов сохранился с тех памятных времен, когда на весь мир прозвучало слово «Сталинград».

Недалеко от этого дома горит Вечный огонь, зажженный в честь защитников волжской твердыни. В карауле у Вечного огня мальчишки и девочки в красных галстуках.

Когда теплый ветерок разогнал туман над городом, я увидел монумент Родине-матери, который возвышается над Мамаевым курганом. Да, вот такой представлялась нашим бойцам Родина-мать — зовущей в бой, решительной, непокорной, несломленной.

На Мамаевом кургане нельзя быть равнодушным. Нельзя без комка в горле проходить мимо скульптур наших воинов, нельзя без волнения читать надписи, которые в грозном сорок втором высцарапывали на стенах домов солдаты, клянясь в верности Родине, клянясь до последней капли крови защищать Сталинград.

Ступеньки бесконечной лестницы ведут к вершине кургана. И почти на каждом шагу — скромные плиты с именами тех, кто погиб на этой высоте. На плитах — алые гвоздики.

САЛЮТ, ПОБЕДА!

Сотни фамилий. Сотни людей, которые жили, мечтали, любили, растили деревья и цветы, строили корабли, сеяли хлеб. Среди них я ищу одну знакомую фамилию — Панчишкина Клава. О ней я узнал от москвича Леши Панчишкина. Когда Клава погибла, ей было чуть больше, чем Леше теперь.

— Мы долго ничего не знали о тете Клаве, — говорил Леша. — Считали — пропала без вести. А потом красные следопыты Волгограда прислали письмо и в нем рассказали о Клаве, о ее солдатской жизни, о ее гибели. И после этого я сам стал следопытом. Потому что много еще на нашей земле людей, которые хотели бы услышать о своих родных и близких, хотели бы узнать об их жизни и подвиге в дни войны.

С Мамаева кургана город как на ладони. Бесконечные улицы, красивые новые дома. Ворота прославленного Тракторного завода. Серая лента Волги. Улицы утопают в зелени, и трудно поверить, что тридцать три года назад в городе не было ни одного целого здания, ни одного живого дерева — только черные, обожженные стволы.

Волгоградцы заново отстроили свой город. И почти каждый, кто сейчас живет в нем, посадил на улице свое дерево, вырастил свой цветок. И потому каждый день у монументов и памятников появляются свежие букеты цветов, которые будто говорят: жизнь продолжается! Спасибо вам за это! Вам, кто в последние минуты своей жизни видел только выжженные травы, обгоревшие камни, мертвую, но драгоценную землю, по которой так и не удалось пройти врагу.

Во многих городах земли есть улицы имени Сталинграда. Это не просто дань уважения защитникам города. Это людская память и гордость удивительной стойкостью Человека, его высоким несгибаемым духом.

И. Никонов

Красочное убранство сада

Ульяновск. Город, близкий каждому из нас. Здесь родился Владимир Ильич Ленин. Здесь он провел свои детские и юношеские годы. Вот почему нельзя без волнения ходить по улицам города, осматривать величавый мемориальный центр, любоваться синими даями Заволжья с крутого Венца.

Конечно, теперь город не узнать. Встали на волжском берегу новые дома, протянулись вдоль улиц зеленые аллеи. Шумливых новоселов приняли новые школы. Одну из них строители подарили ребятам Засвияжь

Когда летом смотришь на светлое здание, утопающее в цветах и зелени, трудно представить, что прошло всего лишь два года, как прозвенел здесь первый звонок. Большой фруктовый сад встречает тебя при входе, выбегают к калитке кусты белых и палевых роз.

Интересна история сада. В тот памятный первый день занятий к ребятам пришли шефы — комсомольцы радиолампового завода. Вместе решили, что школа должна быть красивой. А какая же красота без зелени? Тогда-то и созрел план посадки фруктового сада.

На работу вышли все до одного. Настоящим праздником для юннатов стал тот день. Трудились дружно. Пока одни готовили участок для посадки, другие съездили к шефам за яблонями. Привезли двенадцать деревьев. Каждую яблоньку сажали бережно, боясь повредить корни. Только успели засыпать землей ямы, как разразилась гроза, да такая сильная, что и поливать деревья не пришлось. Почва на участке глинистая, хорошо держит влагу. Яблони отлично прижились на новом месте.

Следующей осенью сад расширили. На заработанные летом в колхозе деньги ребята купили несколько яблонь разных сортов, саженцы вишни, кусты черноплодной рябины, жасмина, шиповника. Наряднее, красочнее стал их сад. А сколько радости было у юннатов, когда зацвели южные гости — розы, присланные из Крыма, созрел арахис, налились янтарем упругие виноградные гроздья!

Новая весна прошумела над Волгой ледоходом, теплый веселый ветер слизал в скверах и парках последние лоскуты снега. Вот уж и грачи вовсю загорланили над старыми ветлами у Венца. Скоро, скоро повиснет над Ульяновском нежная кисея цветущих садов. И в этом праздничном убранстве родины Владимира Ильича Ленина будет бело-розовое облако яблонь, которое подарили городу юннаты 13-й средней школы.

Г. Лиходиевская

Пахнет яблонями степь

Саратовская областная юннатская станция проводила конкурс детского рисунка. На листах ватмана летали космические ракеты, распускались неведомые цветы. На одном из рисунков был изображен цветущий сад на краю пустынной степи. Тема рисунка не была навеяна мечтой о путешествиях по Африке или причудливой фантазией арабских сказок. Юный художник из Ровенской школы изобразил здесь свой школьный сад.

Цветущий сад в прокаленной солнцем безводной степи кажется чудом. И чудо это возникло не по мановению волшебной палочки, а при помощи обыкновенных лопат. Прежде всего нужна была вода. Но на огромном участке пробивался только слабый родник да петлял ручей, заросший камышом. Для ребят сохранить воду равносильным сохранить свою мечту о саде. С помощью совхоза «Ровенский» они вырыли пруд, пробили канавки в сухой земле, чтобы ни один кустик на их участке в 50 гектаров не обделит водой. Кажется, что проще — открыл трубу, и вода сама побежит по бороздкам. Но совсем не простое дело полив. Упустишь воду — беда: низины затопит, а участки повыше останутся сухими.

Метр за метром отнимали юннаты у хозяйки Заволжья — степи. Каждый год появлялось что-нибудь новое: посадили крыжовник, вишни. Но гордость ребят — яблоневый сад.

Превратить пустырь в парк — такую цель поставили перед собой учащиеся нашей школы. Сначала объявили общешкольный конкурс на лучший проект благоустройства территории. Ребята описывали, чертили, рисовали будущее школьного участка.

Пионеры из 6-го класса, получив участок, долго думали, как лучше его благоустроить. По общешкольному плану через год на их участке будут делать географическую площадку. Ребята узнали у учителя географии ее размеры, оставили место. На оставшейся земле посадили все породы деревьев, которые растут в лесах нашего района.

Земля родины Ильича щедро отблагодарила ребят. Место, где несколько лет назад был серый пустырь, на котором ничего не росло, кроме польни, стало красивейшим уголком в поселке.

М. Большакова,

заслуженная учительница школы РСФСР Ульяновская средняя школа

Садом чудес называют опытные участки Центральной станции юных натуралистов Белоруссии. Сад здесь необычен. Только винограда, высаженного не на крымской, а минской земле, растет шесть сортов. И все плодоносят.

Известный белорусский селекционер, доктор биологических наук Анатолий Григорьевич Волузнев охотно передал юннатам для дальнейшего выращивания свои новые сорта ягодных культур, такие, как черная смородина «пилот Александр Мамкин», садовая земляника «лявониха» и другие. Прославленный селекционер высоко ценит помощь, оказываемую ему юными натуралистами.

Е. Садовский

г. Минск

Л. Волкова

Яблони в цвету выглядят легким облаком, кажется, подует ветерок и развеет его по бескрайней степи. А ветры здесь задувают злые. Суховой пригибает к земле живучий ковыль, а для яблонь его горячее дыхание несет гибель. Но тут на пути встали тополя — надежная зеленая защита. Их четкими рядами разноцветен сад, будто тетрадка в клеточку. И решаются на ее полях задачи не менее важные, чем в школьных классах. По заданию совхоза «Ровенский» ребята проводят опыты, связанные с важнейшими проблемами: садоводства.

На протяжении трех лет Нина Фадеева, Маша Менжурова, Оля Бредихина, Нина Кирдяшева занимались сортоизучением яблонь. По урожайности, периодичности плодоношения ребята решают, какие яблони получат постоянную прописку в саду, определяют лучшие сорта для своей области. Наблюдения показали, что самым стойким новоселом степи оказалась антоновка.

А как заставить плодоносить яблоню каждый год? Рашид Сусаинов, Коля Шаратов, Наташа Горбунова, взяв по десять яблонь разных сортов, таких, как малый багаевский, белый налив, антоновка, провели многолетний опыт, используя различные агроприемы.

Наиболее эффективным оказался метод, при котором удобрения вносятся малыми дозами через каждые две недели в течение мая, июня, июля. Теперь-то яблони и дают плоды каждый год.

Мало собрать урожай, нужно его еще и уберечь, чтобы долгое время яблоки сохраняли вкус и аромат. Ребята рассылают садоводам посылки с яблоками в разные города страны. А в ответ им шлют письма с подробным описанием, как перенесли яблоки дорогу.

Цветет сад, ширится круг друзей природы, и всегда для них самым вкусным остается яблоко, выращенное своими руками.

«Степь теперь у нас пахнет не польнью, а яблоками», — с гордостью говорят ровенские ребята.

Полноводна и красива Печора. И земля, по которой она протекает, привольна и прекрасна. Несметные богатства хранит Печорский угольный бассейн. Но не была бы эта северная река такой, если бы не пополняли ее воды рек, названия которых не на всякой карте найдешь. Да и что для карты 200—300 километров?

Одна из таких рек, несущая светлые воды Печоре, — речка Косью. Начинается она на склонах одной из наиболее высоких вершин Приполярного Урала, горы Народной. Заостренные пики, пронизывающие облака, заснеженные каменные гребни, большие ледники, мир лишайниковой и моховой тундры — вот родина речки Косью и многих других рек Урала.

Родившись в горах, Косью унаследовала и горный характер. Но, спускаясь к подножию, она постепенно умеряет свой пыл. В среднем течении ее правый берег каменными уступами резко обрывается к воде, словно пытаясь удержать речку в горных объятиях, но правый берег более пологий, и чем дальше она течет, тем берега становятся ровнее. Ближе к устью, извиваясь, течет Косью по заболоченной низине.

В конце октября — начале ноября Косью замерзает, но в начале мая плывет по ней хоровод льдин. Вот, пожалуй, и вся несложная история этой речки. Но без таких вот рек, как Косью, не было бы Печоры.

Фото К. Румя

ТУР-ВОЛШЕБНИК

Если вы читали про маленькую Алису, побывавшую в Стране чудес, то, наверное, помните и волшебный гриб. Съев одну половинку, Алиса становилась маленькой. Проглотив кусочек от другой, начинала невероятно быстро расти.

Подобные превращения происходили и с Баранкиным, который долго не откликнулся на призыв окружающих «быть человеком». Баранкину удавалось изменить не только рост, но и вид (от воробья до муравья), всего лишь произнося «волшебные слова». А слышали вы о волшебниках зеленого мира? Оказывается, и такие есть. И не в сказках, а наяву действуют они, и не на девочек и мальчиков, а на растения. Правда, названия у них отнюдь не волшебные — регуляторы роста. Это химические вещества, способные увеличивать или уменьшать рост растений.

Их много, и действие их различно. Ну,

скажем, если бы речь шла об Алисе, от одного кусочка гриба у нее стал бы длинным нос, другой действовал бы только на уши, благодаря третьему ноги ее выросли бы вдвое. К счастью, этого не случилось, иначе сказка могла бы иметь очень грустный конец, а вот в мире растений происходит именно так. Одни стимуляторы роста усиливают образование и рост корней. Именно их используют при укоренении черенков яблонь или других растений. Другие заставляют быстрее расти, скажем, коноплю, табак, семенную капусту. Представьте себе шестиметровый табак или коноплю с развесистой метелкой над головой. Стимуляторы различны, однако все они ускоряют какой-либо процесс роста в растительном организме. Они помогают получить урожай быстрее, больше и лучше.

Но волшебники зеленого мира могут не только увеличивать рост растений, но и

уменьшать его. И как это ни звучит парадоксально, растение становится меньше, а урожай увеличивается.

«Зеленая революция». Так стали говорить, когда на полях некоторых стран появились карликовые и полукарликовые зерновые культуры. Например, в Индии — пшеница, на Филиппинах — рис. Урожайность их оказалась настолько выше прежней, что растения эти называли гигантскими карликами. Благодаря карликам удалось получить больший урожай зерна при меньшей массе соломы.

Химические вещества, способные задерживать рост растений, тормозить его, называют ретордантами. Как и стимуляторов роста, ретордантов существует множество, однако функции их, в общем, одинаковые — тормозить рост растения в целом. Мы познакомимся только с одним из них, с тем, что получил признание в нашей стране и вполне заслужил право войти в круг настоящих волшебников. Знакомьтесь, препарат тур! Имя свое он получил от тюркского слова, в переводе означющего «стоп». Итак: «Стоп!» — говорит он растениям, касаясь их словно волшебной палочкой И, покоряясь ему, растения приостанавливают свой рост. Вот тут-то и начинаются чудеса.

Главное чудо тура связано с полеглым хлебом. Видели вы когда-нибудь скрученный дождем и ветром, упавший на землю под тяжестью колосьев хлеб? Видели, как поле, еще недавно отливавшее золотом, гордое своей красотой, становится беспомощным и жалким? Колосья дозревают, лежат на земле, но, если даже зерно и дозреет, убрать такой хлеб чрезвычайно трудно. Каких только приспособлений не придумывает хлебороб к машинам, но иногда так и не может поднять весь хлеб.

Как быть? Наверное, нужно создавать такие сорта, которые бы не полегли, с невысокой прочной соломиной, гигантских карликов, приспособленных к климатическим условиям нашей страны. И ученые работают над этим. Они скрещивают карликовые и полукарликовые пшеницы, а также индийские, японские, мексиканские сорта с нашими отечественными, стремясь получить урожайные пшеницы с высотой соломины в 70—80 сантиметров. Прекрасный пример такого сорта — наша пшеница «безостая-1», которая высевается сейчас на самой большой в мире площади. У нее короткая и прочная соломина и высокая урожайность. Но в основном — это пшеница завтрашнего дня. Сегодня же примерно из ста ранних сортов озимой и яровой пшеницы только некоторые достаточно устойчивы к полеганию, а из пятидесяти с лишним сортов озимой ржи практически еще нет ни одного. Селекция, хотя и

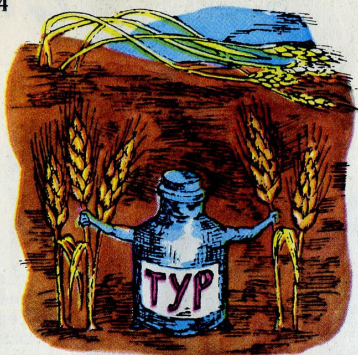

самый верный путь к устранению полегания растений, в то же время самый длительный и трудоемкий. Выведение сорта требует не менее шести лет. После этого два-три года сорт проходит испытания. Размножение его также требует двух-трех лет. Таким образом, даже при самой успешной работе селекционеров для создания нового сорта нужно от восьми до двенадцати лет. Вот почему ученые ищут иные пути. И один из них — использование препарата тур.

Опрыскивание растений в ранних фазах развития этим препаратом буквально перерождает зеленый организм. Тур легко проникает в листья и стеблевые почки и, являясь тормозителем роста, не просто приостанавливает его, а вызывает задержку деления и роста именно тех клеток, из которых формируются стебли. В то же время, замедляя деление клеток в длину, он усиливает их деление в поперечном направлении. В результате соломина становится короче, стенки же ее утолщаются и делают растение устойчивым против полегания. Листья и плоды существенно не изменяются. Замечено только, что лист темнеет, так как содержание хлорофилла в нем увеличивается. А чем его больше, тем, значит, и урожай будут больше.

С каждым годом поля нашей страны получают все больше минеральных удобрений. Чтобы урожай не зависел от капризов погоды, мы стремимся, где возможно, организовать полив. Эти меры повышают урожайность хлебов. Однако соломина у злаков становится менее устойчивой. И чем полнее колос, тем труднее удержать его. Теперь же, имея препарат тур, мы можем безбоязненно применять высокие дозы удобрений и обильный полив: питательные вещества будут направляться на образование колоса, соломина же вытягиваться не станет, ее рост задержится. Так, тормозя рост, реторданты способствуют повышению урожайности.

С прошлого года решением научно-технического совета Министерства сельского хозяйства СССР обработка посевов зерновых препаратом тур рекомендована как обязательный агротехнический прием. Однако способности тура творить чудеса этим далеко не исчерпываются.

Во Всесоюзном институте кукурузы решили попробовать обрабатывать туром не досевы, а семена. Попробовали — и получили чрезвычайно интересные результаты. Для того чтобы разобраться в них, давайте обратимся к обыкновенной ботанике.

Какую часть злакового растения вы назвали бы самой главной? Конечно, узел кушения, иначе — место в подземной части стебля, от которого отрастают придаточные корни и боковые стебли. Если даже погибнет весь куст, но останется жив узел кушения, стебли и корни могут отрасти заново. Если же погибнет узел кушения, ничто не вернет растение к жизни. Значит, сохранить узел кушения живым особенно важно. А как это сделать, если и солнце нещадно жжет землю и мороз не щадит посевы? Может быть, запрятать поглубже, покрепче прикрыть земляным одеялом? Но как бы глубоко мы ни прятали зерно, узел кушения растения всегда формируется вблизи поверхности. Такое уж у него свойство. А посеешь слишком глубоко, семена и вовсе не взойдут. Опять заколдованный круг. И как добрая фея из сказки о Золушке, тур приходит к нам на помощь.

Оказывается, если семена злаков обработать перед посевом препаратом тур, узел кушения закладывается глубже, чем обычно, на сантиметр, а то и на два. Растения словно сами укрываются от воздействия внешней среды.

Мало того. Начав развиваться глубже в земле, им легче добывать для себя влагу. А это очень важно, особенно в сухое время, когда самый верхний слой пересыхает. Чем глубже расположен узел кушения, тем легче образуются вторичные корни, тем мощнее корневая система. А в результате и растения выживают, и урожай повышается.

В Курганской области провели такой опыт: около 300 гектаров земли были засеяны семенами, обработанными препаратом тур.

Вот результаты этого опыта.

Узел кушения углубился в землю на тридцать девять миллиметров вместо двадцати. Первое междоузлие стало короче, стебель толще, прочнее, увеличилось количество зерен в колосе, растения стали меньше поражаться различными болезнями. Тур словно разбудил скрытые возможности самого растения. В результате в среднем по области получили прибавку урожая от двух до четырех центнеров на гектар, а в ряде хозяйств и больше.

Сейчас этот прием считается в Курганской области, являющейся «зоной рискованного земледелия», обязательным для каждого района и каждого хозяйства. Он может служить прекрасной иллюстрацией воплощения в жизнь нашего пятилетнего плана, в котором записано о необходимости внедрять в сельскохозяйственную практику новейшие достижения науки.

Препарат тур действует многосторонне на растения. Не так давно пришел он на наши поля, а уже показал себя со многих сторон. В плодоводстве, пользуясь его способностью укорачивать побеги, можно действовать им как ножницами — без обрезки, лишь направленным опрыскиванием формировать крону плодовых. В виноградарстве тур тоже находит применение: он создает более плотную гроздь и за счет этого повышает урожайность отдельных сортов винограда. Сегодня ученые еще ищут, пробуют, как действует тур на картофель и землянику, на хлопчатник и розы. Более чем на ста различных растениях проявил он свои необыкновенные свойства. Правда, сегодня волшебный препарат еще делает первые шаги на наших полях. А завтра... впрочем, кто знает, какие чудеса покажет он нам завтра? В одном можно быть уверенным — все они будут служить на пользу человеку — самому Главному Волшебнику.

С. Хлавна

Карельские гости Комаричей

Брянщину всегда связывают с дремучими партизанскими лесами. Действительно, много у нас глухих чащоб, где под разлётными навесами великанов-елей и сегодня можно отыскать обвалившиеся от времени землянки народных мстителей. Но на юге области леса расступаются, открывая простор лугов и полей. Так в Комаричах. Иногда только мелькнут небольшие березовые колки или выбегут к берегу прудов и речек скромные куртины плакучих ив. Поля, поля! Пыльные поселковые улицы, страдающие от летнего зноя дома. Недавно такое было и в Комаричах. А теперь привычной стала здесь зелень. И первыми начали посадки пионеры из школы-интерната.

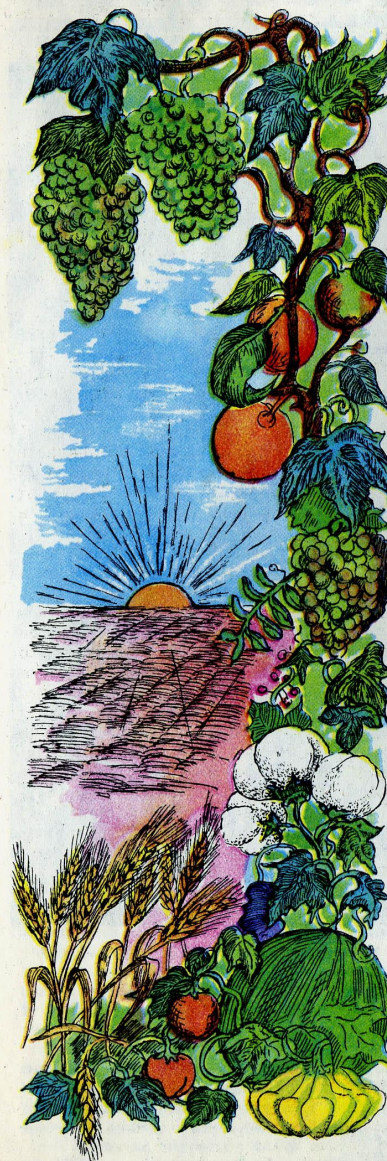
А дело это хлопотливое, ведь все саженьцы выращивают здешние кудесники из семян. Каких только новоселов нет в школьном парке! Спирея, виргинская черемуха, туя, лиственница, жимолость, пятигорская бирючина.

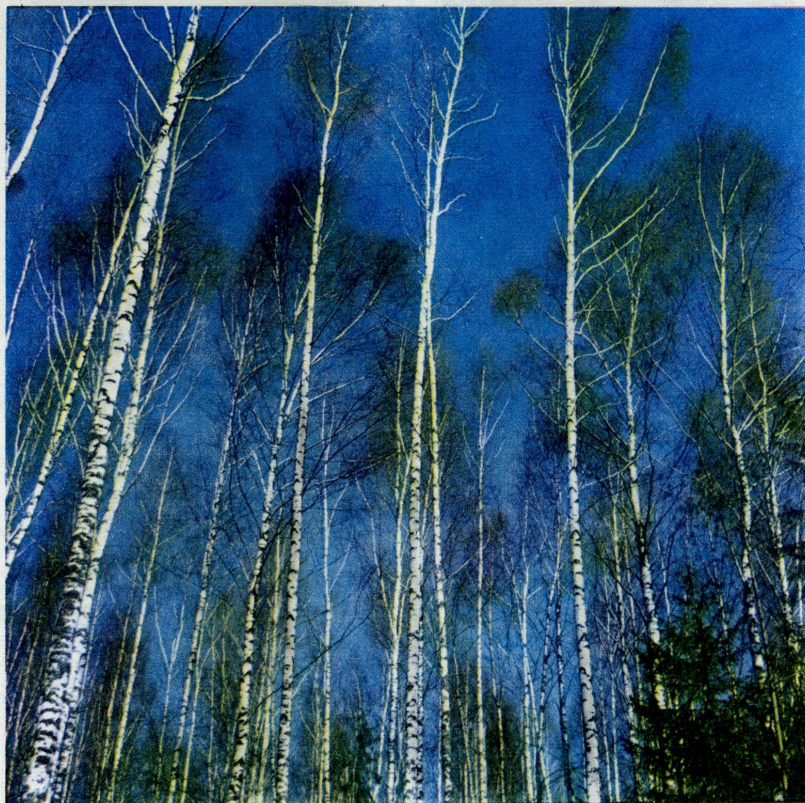
С гордостью покажут вам юннаты четыре невысокие пока карельские березы. Под самыми окнами высадили их школьники. Долго растет карельская береза, поэтому не одно поколение учеников следило за редкостными гостями.

Планы юннатов обширны. В их зеленом питомнике подрастают сейчас три тысячи маленьких дубков. Все они выращены из семян. Три года назад легли в землю первые желуди. Метко говорит народная мудрость, что дуб растет в шубе, но с открытой головой. Так вот, в первую зиму многие ростки вымерзли, не выдержав морозов. Тогда-то по совету Ивана Егоровича Васильева, учителя биологии, ребята укутали молодые ростки в «шубу». Ею стал люпин. Его буйные заросли надежно укрыли всходы. Теперь в питомнике готова к посадке первая тысяча деревцев. Дубки — символ крепости и мужества. Вот почему решили комаричские школьники заложить из этих деревьев мемориальную аллею в честь 30-летия великой Победы.

Ю. Рзаев,
директор Брянской областной
станции юных натуралистов

Рис. В. Перльштейна

Капля катится, светится
Над моей головой.
Как ей хочется встретиться
С апрельской травой!

Чтобы землю порадовать,
Чтобы корни омыть,
Чтобы, как на параде,
Всю траву распрямить!

Виктор БОКОВ

У ОМУТА

На краю неба алеют клубящиеся облака. Отражение розовых от заката берез упало в омут и застыло в воде. Апрельский вечер налит свежими парами ожившей земли. Воздух пропитан ароматом цветущих ив и набухших почек проснувшихся берез. Весенний паводок прошел, река вошла в привычное русло.

Над рекой курится туман. Деловито попискивают болотные кулички, они часто летают парами. Посвистывая крыльями, над головой стремительно проносятся табуны чирков-свистунков.

Утка, спугнутая кем-то с гнезда, крикает заботливо, призывно. Тревога и печаль в ее взволнованном крике. С приходом вечерней хлады смолкли лягушки, томно квакавшие солнечным днем. Серая мгла медленно обволакивает землю, на подмосковной реке Цне дотлевет вечерняя заря. В это время ондатры, изголодавшиеся за зиму, выплывают из нор на ночную кормежку.

Мы сидим в закутке, из которого видна речная пойма. Наблюдаем за долиной. Километрах в двух, на широкой дамбе между двумя искусственными прудами, загадочно светится рубиновый костер. Там шалаши, «газики» и мотоботы рыбо- и охотнадзора. За искрящимся костром дыбится темный массив соснового бора. Охотничий сезон кончился, однако егера охраняют водный бассейн от случайных горе-охотников.

Дядя Иона поглаживает опрятную голову своей собаки и вполголоса рассказывает об утреннем перелете водоплавающих. Барон сидит и смотрит деду в глаза, внимательно слушает, что говорит хозяин. Но он насторожен. Появись сейчас в долине непрощенный гость — умный пес тотчас же даст о нем знать.

Изредка гладь омута рябится от рыбьих ударов. По плеску воды дядя Иона отличает, какая рыба бьет.

— Эва, смотри, тростинка плывет, — ткнул он меня в бок. — Это ондатра срезала ее зубами и теперь в нору тащит. Гнездо мастерит для нового помета.

Мглистый полог ночи спустился в долину, вместе с ним на небосвод выплыла полная луна. Свинцовая вода, в которой отражались потускневшие звезды, замигала и заискрилась: в омуте начали свою ночную игру ондатры.

Вот ондатра бултыхнулась в воду и тут же вынырнула. В зубах у нее серебрился небольшой корешок. Ондатра поплыла наискосок к берегу и исчезла в осоке. Ночной холод напомнил о том, что пора отправляться на покой к стоянке.

В шалаше было зябко. Сняв резиновые сапоги и телогрейку, я забрался в спальный мешок. Сон навалился мгновенно большой мягкой громадиной.

Среди ночи я проснулся словно от дождя. Барон стряхивал с себя капли воды. Пес умиротворенно урчал и царапал лапой хозяина, покрытого овчинным полушубком. В зубах он держал за шиворот взрослую ондатру. Зверек висел, беспомощно растопырив лапы.

Каким образом ухитрился Барон поймать проворную ондатру, ему одному известно. Знатоки-звероловы говорят, что ондатра очень чуткое животное. Она даже успевает после выстрела уйти под воду раньше, чем до нее долетит дробь. Убить ее из ружья трудно.

— Тыфу ты, нечистая сила! — выругался спросонок дядя Иона. — И кто тебя просил по весне зверей ловить?! Покоя от тебя, неуча, нет.

Фото А. Щеголева
и А. Дорожинского

Пес дружелюбно махал хвостом, вероятно не совсем понимая, за что его отчитывают.

Старый егерь поднялся, сунул испуганную ондатру в пустой рюкзак и затащил его. Кряхтя, надел полушубок, затем, подумав, обратился ко мне:

— Отнеси-ка, сынок, ондатру сейчас же к реке и пусти в воду!

Я спустился к реке. В лощине под резиновыми сапогами захлюпала вешняя вода. Щедрая ночь подарила по луне каждой луже. Подойдя к берегу, я вытряхнул зверька в воду. Ондатра исчезла, но через несколько секунд появилась снова. В это время в прибрежных зарослях ивняка осторожно рассыпала первую пробную трель зярянка.

Ю. Балашов

РАДОСТЬ

Выхожу на улицу. Солнце прячется за увалом, озаряя чистое небо. Эх, хорошее будет завтра утро! Разве можно его пропустить, не послушать песню косача?! Решено: иду на токовище.

Чуть засветало, вскакиваю с кровати. Минут через двадцать останавливаюсь у кромки леса и присматриваюсь, куда бы стать, чтобы получше увидеть токовище. Вон, кажется, лучше всего под густую ель, под которой большой можжевельный куст. Устроился как в шалаше. Прислушиваюсь.

Вокруг тишина. Только слышно, как невдалеке журчит речка. С нее доносится голос утки. С Вятки долетел протяжный гудок парохода, как будто растянули гармонь, нажав на басы. Прогудел, и снова тишина.

Первыми просыпаются вороны. Начинают каркать. Я весь внимание. Боюсь пропустить чужьякане косача. И наконец слышу: «Чуфык». Ему ответил другой, потом третий...

Слышу, как на поле, недалеко от меня, сел один косач. Видно пока плохо, но птица различима. Я даже остерегаюсь глубоко дышать, чтобы не вспугнуть. А косач — «чуфык», — и прислушивается, не ответит ли соперник.

Вот она, та песня, ради которой я в полночь пришел сюда и буду несколько часов мерзнуть под елкой без движения. И в эту минуту я сожалею, что не могу никому рассказать о том чувстве, которое испытываю, слушая бормотанье косача.

Через некоторое время к токовищу прилетело десятка полтора птиц. И все чуфыкают, урчат, хвосты веером. Красавцы! А двое уже стоят друг против друга: собираются драться. «Кур-кар, кур-кар», — бросают воинственные возгласы. Смотрю: один наскочил на другого, ударился, взлетев от земли на полметра, только пух полетел. А там другая пара дерется, третья... Гоняются друг за другом, перелетают с места на место. «Кот-кот-а-а, кот-кот-а-а», — кричат тетерки.

Но что такое? Косачи приумолкли, опустили хвосты и вытянули шею, а через минуту с шумом взлетели. Тут я увидел, как по краю перелеска крадет лиса. Вот плутовка! Все испортила.

Я вышел из укрытия. Лиса остановилась, посмотрела на меня, как бы удивившись, и тихо направилась в сторону, к следующему перелеску.

Н. Марихин

сосны, лиственницы, кленов ясенелистного и пушистого, бересклета, акации белой не увядали, семена их перед посевом протравливают полупроцентным раствором формалина.

Большое внимание нужно уделить и закладке полезных лесных полос и приовражных насаждений. Многие школьные лесничества проводят опытническую работу. Они ищут лучшие полезные породы деревьев и кустарников и лучшие породы для облесения оврагов, балок, движущихся песков. В одних районах это тополь сербистый, тополь черный, в других — дуб черешчатый, береза бородавчатая, бересклет. Можно проверить способы посадки деревьев (рядовые, шахматные, групповые) при закреплении оврагов, движущихся песков, эрозийных участков рек.

В питомниках тоже идет напряженная работа. Выкапывают посадочный материал, сортируют его для различных посадок. Здесь можно провести опытническую работу: как влияет внекорневая подкормка минеральными удобрениями на рост и развитие саженцев и семян (опрыскивание однопроцентным раствором аммиачной селитры или наклонившихся семян, обрабатывают их микроэлементами. Можно провести опыты: выявить нормы высева семян на выход стандартного материала (в условиях своей местности), выявить лучшие сроки посева семян, различные способы посева хвойных пород (ленточный двухстрочный с узкими строчками, с широкими уплотненными строчками, ленточный четырехстрочный).

Семена ели, акации белой, гледичии чувствительны к заморозкам, поэтому высевать их нужно в достаточно прогретую почву. Чтобы всходы семян ели,

На территории нашей страны апрель неодинаков. Зима никак не хочет уходить из северных лесов: в укромных уголках еще лежит снег, а порою закружат в воздухе снежинки и белая пелена снега закроет землю, пробившуюся молодую травку, набухшие почки. Но выглянет солнце — и зимы как не было. Весну не остановишь.

В средней полосе весна уже твердо вступает в свои права. Апрель — самый интересный месяц весны. Каждый день дарит нам что-то новое. Это новое — в белых островах облаков, отражающихся в талой воде, в нежном запахе первых подснежников, в наполненных новой силой жизни почках, в радостном крике птиц, возвращающихся на родную землю.

Начали пробуждаться насекомые. Вышли из убежищ муравьи и суетятся, ремонтируют свои муравейники. Оживают ранние весенние бабочки: ярко-пестрые крапивицы, желтые лимонницы.

Большинство деревьев и кустарников еще по-зимнему голые. Первыми зацветают серая ольха и орешник, вокруг их сережек расплываются облачка желто-зеленой пыльцы. Бросаются в глаза крупные, похожие на только что вылупившихся цыплята, золотистые пушистые барашки ивы-бредины. Бледно-лиловыми цветками покрылись голые веточки водочеревого лыка. Появились первые цветы. Глинистые откосы сплошь усеяны золотыми корзиночками мать-и-мачехи. В лесу зацветают хохлатки, медуницы. Деревья готовятся надеть новый зеленый наряд.

В апреле юным лесоводам нужно подготовиться к встрече пернатых — развесить изготовленные зимой скворечники, синичники. Проследить, как птицы будут их заселять.

аншлагов, щитов, призывающих беречь леса от пожаров и других лесонарушений.

Внимательно нужно осмо-

треть те места, где распространены насекомые-вредители, и вовремя провести борьбу с ними.

Каждое явление бурного

развития природы должно быть зафиксировано в дневнике фенологических наблюдений.

В. Ефимова

РОДНЫЕ БЕРЕЗЫ НЕ СПЯТ

Береза и осина — няньки ели.
Скрипучая береза дольше стоит.
Березового соку на грош, а лесу на рубль изведешь.
Веник выбирай в березовой роще, березку — возле воды.
Если у березы течет много сока — лето будет дождливое.
Весной березовый сок невкусен — хлеб уродится.
Сок замерзает — будет захват на хлебе.

АЗБУКА народной мудрости

Если весной береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое, если ольха наперед — мокрое.
Лопаются сережки у березки — время сеять хлеб.
Береза вперед опускается — жди сухого лета, а если клен — то мокрого.
Листья опадают у березы и осины чисто — к легкому и урожайному году.

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

ПЕТРОВ КРЕСТ

Оказывается, розовые, палевые, желтоватые кроты именуются в природе.

Подобно черным кротам, цветные большую часть жизни проводят под землей. В поисках пищи прокладывают в черноземе коридоры, галереи, проходы. Однако черные кроты роют землю носом, передними лапами, задними проталкиваются вперед. Тогда как розовые, палевые кроты сверлят грунт крепкими упругими стеблями, покрытыми коричневыми чешуйками. Вы, наверное, начи-

наете догадываться, что речь идет о каком-то необычном растении. Так оно и есть. Это растение напоминает обыкновенного крота.

В первой половине весны сквозь настил прошлой годней листвы пробиваются и начинают буйно расти сочные красновато-лиловые или бледно-розовые побеги, которые потом покрываются мелкими малиново-красными цветочками, смоленными липкой жидкостью. После обильного цветения растение разбрасы-

вает вокруг миллионы семян-пылинок. Стебли начинают высыхать, гибнуть. Но под землей продолжает жить и работать подземная часть растения-крота. Крепкие корневища-побеги продолжают разрастаться во все стороны, прокладывая, подобно черному кроту, все новые и новые проходы. Подмечено, что роющие побеги растения-крота, натолкнувшись на корни других растений, присасываются к ним и пользуются чужими питательными соками.

Известно также, что побеги цветного крота-растения, разветвляясь, нередко образуют крестовидные соединения. Именно поэтому розовый крот обычно прозывается петровым крестом.

Это интересное растение ботаники относят к семье норичниковых.

Подобно заправскому кроту, петров крест проживает обычно в черноземных грунтах леса, горного отрога, покрытого кустарником.

И. Гаустов

ПРОДЕЛКИ СУСЛИКА

Однажды весной я был в командировке в Заволжье, недалеко от небольшого городка Пугачева. Пора было уезжать.

— Можете ли вы дать совет, — обратился я к гостеприимным хозяевам, — какой бы мне подарок дочке привезти?

— А вы суслика поймайте, тут у нас в Заволжье водится особый вид, не то рыжеватый, не то большой называется.

Мне и самому хотелось на этого зверька посмотреть, прежде-то никогда не приходилось, и подарок, думаю, хороший получится. Впрочем, о сусликах я, истый горожанин, имел в то время весьма общее представление. Главное, зверек невелик. Стало быть, для городской квартиры подойдет.

Прежде чем приступить к охоте, я запасся большой прямоугольной железной банкой почти полуметровой длины. Хорошо промыл ее кипятком с мылом. Внутри вместо подстилки положил мятых газет. В качестве транспортной клетки вполне сойдет, думаю, а дома сделаю настоящую.

Вокруг Пугачева почти сплошь распаханные степи. Лишь кое-где встречаются отдельные бугры да изрезанные оврагами участки. Тут-то и живут суслики. Поселяясь возле

полей, они за лето и осень съедают до 4—5 килограммов зерна и много разной зелени, особенно хлебных злаков.

Сели мы с шофером Женей, совсем еще молодым парнем, на грузовую машину и поехали добывать живой подарок.

Ярко сияло солнце. Легкие облачка проплывали по голубому небу. Дул приятный теплый ветерок. Пели жаворонки. Поля, особенно в ложбинках, были еще покрыты ноздреватым подтаявшим снегом, но я увидел и много широких проталин с едва начинавшей зеленеть травкой. Кое-где по буграм чернели норы. Это означало, что суслики после зимней спячки уже стали выходить греться на солнышке. А спят они, пока холодно, и ничего не едят всю зиму. Еще с осени суслики сильно жиреют. Этот жир и расходуется во время спячки. Но для нашей охоты не всякая нора годилась. Попегляв по дорогам, мы наконец нашли подходящую нору. От нее до ложбины с водой рукой подать, а это нам и было нужно. Взяли мы с Женей по ведру, набрали воды и стали не торопясь лить ее в нору.

После второго ведра в норе послышались странные звуки, вроде кто-то там чихает, что ли.

— Подействовало! — удовлетво-

ренно сказал Женя, и мы побежали за очередной порцией воды. Вылили третье ведро. Вода вдруг перестала уходить в нору, а потом полилась обратно.

— Лезет! Лезет! — закричал Женя.

Из норы показалась мокрая мордочка довольно крупного суслика. Он подслеповато шурился от яркого света, непрерывно чихал и отплевывался. Глуповато-растерянная мордашка была до того потешна, что невозможно было удержаться от смеха. Знал бы я тогда, какие сюрпризы преподнесет мне этот суслик, не до смеху было бы!

Когда суслик наполовину вылез из норы, я изловчился, схватил его за толстый загривок и поднял в воздух.

— Ишь пузан, жирный-то какой, — неприятно заметил Женя, — отъелся на наших хлебах.

Суслик действительно казался необычно толстым. Я не стал его особенно разглядывать, памятуя об острых зубах, и, быстро сунув в банку, тщательно перевязал крышку крест-накрест шнурком. Довольные, мы поехали обратно.

На ночь банку с сусликом я оставил в небольшой комнатке-кухне. Посредине у стены стояла большая кирпичная кухонная плита с тяжелыми чугунными дверцами.

Положил я суслику на обед пару кусков смоченного водой хлеба, а чтобы не сбежал, крышку банки придалвил тяжелой стопкой книг и сверху еще утюгом в придачу. Сплю я крепко. Ночью вроде бы раздавался какой-то шум, но ни я, ни хозяева не обратили на это внимания. Прихожу утром на кухню. Батюшки! Банка на боку валяется. Книжки по полу разбросаны. Суслика след простыл. Куда он делся? Дверь была плотно закрыта, щелей нет. Окно тоже заперто, да и высоко оно. Стал я внимательно осматривать пол и заметил неопровержимые следы пре-

бывания суслика. Он все больше вдоль стен бегал, видно, дырку искал, там и своих «орешков» насыпал. Но куда же он все-таки исчез? И тут я заметил, что дверца печи приоткрыта, а под ней на полу немного золы просыпано.

— Так вот он куда удрал, безобразник!

Беглеца нужно было немедленно изловить. Ведь у меня уже билеты на поезд в кармане!

Стали мы думать, как выманить оттуда суслика. Хозяйка пробовала применить уговоры. Но суслик явно ей не доверял и из печи не выходил. У него были свои планы. Вскоре раздался грохот, и из дверцы на пол посыпались осколки кирпича. Суслик, по всей вероятности, начал крушить печную трубу, стремясь пробиться на волю.

— Что это он делает, разбойник? Ведь так он всю печь разнесет, — всплеснула руками хозяйка.

Деликатный хозяин молчал, но лицо его выражало с трудом скрываемое огорчение.

Между тем суслик почему-то притих. Может, кирпичи не по когтям оказались, может, просто устал. Когти у сусликов длинные и кривые. А зубы-резцы пребольшие: грызун любые доски перегрызает, а при случае и укусит пребольно.

— Знаете что, уйдем-ка все отсюда, а воду и еду оставим. Он выскочит, тут мы его и словим, — сказал я шепотом. — Мы его перехит-

рим. К дверце шнурок привяжем, а конец его через окно на улицу протянем. Как потянешь, дверца и захлопнется.

Так и сделали...

Битых два часа, стараясь не шевелиться, стоял я на страже под окном, пока суслик не соблаговолит вылезти из топки на свет божий. Грязнувший, весь в саже, он спрыгнул на пол и, принюхиваясь, воротово потрусил в угол к банке с водой и хлебу.

Тут-то он и попался! Я потянул за шнурок. Тот вопреки ожиданиям болящиков не лопнул (хотя они уже и пари заключили). Дверца печи с громким стуком захлопнулась. Заметался по комнате беглец, да деваться некуда. Был он пойман и водворен в банку.

В поезде суслик вел себя сравнительно прилично. Войдя в полупустой вагон, я быстро сунул банку под лавку. Затем сел и сразу же сделал вид, что задремал, а сам с тревогой прислушиваясь: что еще сотворит мой суслик? До дому мы добрались без приключений, но все сюрпризы, оказывается, были еще впереди.

Долго пришлось распутывать проволоку. Дочка в нетерпении вертелась рядом.

— Вот! Смотри, суслик, — сказал я, вынимая зверька за шкурку на загравке.

Дорога, видно, не прошла для него даром. Суслик как-то обмяк, куда прыть девалась. Он безвольно висел в руке, а хвостик жалко повис тряпочкой.

— Ой, какой он миленький! Можно погладить?

— Ну нет! — испугался я. — Он и укусить может.

Дочка опасно, но неохотно отдернула руку.

Нужно было срочно делать клетку. Я взял два больших ящика, сбил их наскоро. С одной стороны сетку

натянул. Клетку фанерной перегородкой перегородил, а в ней отверстие прорезал — спальня суслику будет. Посадил в новую квартиру зверька, он тотчас заскочил за перегородку и затаился. Поставил я сусличий дом на широкий подоконник. Налил в баночку воды, крупы разной насыпал, хлеба положил и немного ботвы от редиски; травы-то еще не было. Кто знает, что суслик больше любит?

Рано утром меня разбудила дочка.

— А суслик сбежал!

— Как сбежал? Куда сбежал? — спросонок не мог сообразить я.

Смотрю, а в стенке клетки дыра большущая прогрызена — кулак свободно пройдет. Суслика, конечно, след простыл.

И мне и жене на работу надо собираться и еще дочку в детский сад вести, а тут этот суслик.

Вооружившись палками, стали мы бегать за сусликом по комнате, стараясь загнать его в угол. Он легко уходил от нас, временами издавая резкий свист.

— Вот он, вот! — вскричала жена, воинственно размахивая палкой.

Дзинь! — это разлетелся на мелкие осколки стеклянный абжур лампы, висевшей над диваном.

— Ну погоди же! Все равно не уйдешь! — процедил я сквозь зубы. Неустанно преследуя беглеца, я старался выгнать его из-под дивана. И лишь когда, мокрый от пота, я завершал наконец, лежа на животе, полный круг по комнате, то увидел, как суслик неосторожно заскочил в щель между чемоданом и стеной.

— Скорей сюда! Вот он!

Мы с женой одновременно наклонились. Зверек тем временем опять удрал.

Суслика удалось поймать очень не скоро, лишь когда он заскочил в свернутый трубкой ковер, лежащий под кроватью.

В последующие два дня игра в

прятки продолжалась. Суслик за ночь прогрызал дыру в стенке клетки и убежал. Я аккуратно забивал дыру, а затем ловил упряма и сажал обратно. Сравнительно быстро способу ловли суслик научил нас сам. Стоило только положить под диван трубку из скатанного ковра, как зверек стремился туда спрятаться. Видно, за нору принимал. Оставалось только зажать концы трубки и вытряхнуть беглеца в клетку.

Суслик оказался очень чистоплотным. Под туалет облюбовал дальнюю от своей спальни часть клетки. Там мы ему бумагу клали. Отсутствием аппетита не страдал. Хлеб и особенно зелень подьедал дочиста. В клетке вел себя смиренно, совсем не шумел.

Теперь можно было его хорошенько разглядеть. Был он для суслика крупноват: сантиметров тридцать пять длиной да хвостик гребеночкой еще сантиметров в пять. Почти весь темно-рыжий, с буроватым оттенком на боках. Только на голове сероватая шапочка и вдоль спинки темная полоса.

Я стал уже подумывать о конструкции непрогрызаемой железной клетки, но она не потребовалась.

На третий день прихожу с работы, а дочка меня спрашивает:

— Пап, что это суслик все пищит?

— Как пищит? Суслики не пищат, а свистят.

— Нет, пищит, да так тоненько-тоненько.

Заглянул я к суслику в клетку, а его не видно. Он за перегородкой в своей спальне сидит. Стал прислушиваться. И верно, пищит вроде. Снял крышку с клетки, смотрю. Вот так штука! Суслик стремглав из спальни выскочил, а там суслята! Гольшата, конечно, слепые, розовенькие. Целых десять штук. Под ними бумага мелкими кусочками нагрызена и шерсть суслычья. Ее мать из своей шкурки надерга-

ла, чтобы суслытам мягко и тепло было. Так вот почему все время убежала из клетки суслиха! Она искала надежное место для своих малышей. Клетка ей такой не казалась.

Теперь суслиха уже не грызла клетку и не убежала, но все еще дичилась: никогда ничего не ела, если кого-нибудь из нас заметит в комнате. Аппетит у нее все время был отличный. Не только хлеб и зелень, но даже масло сливочное стала есть с удовольствием, да и молоко ей нравилось. Суслыта постепенно подрастали.

Как ни жаль было, но семейство сусликов прожило у нас дома недолго, всего дней десять. Дочка со своим детским садиком уехала за город. Подошло время отпусков и для нас с женой. сосед из воспитательных соображений попросил на это время для сына суслычье семейство. А Сережа увлекался только техникой, и несчастные зверюшки, очень часто оставаясь без воды и еды, погибли.

Эти суслики нас многому научили. Мы очень любим животных, но теперь держим дома далеко не всяких. Прежде чем брать зверька или птицу, сначала советуемся с опытными людьми, выясняем из книг, можно ли содержать их в городской квартире, будет ли им у нас хорошо, можем ли мы обеспечить им нормальные условия жизни, чтобы не погубить понапрасну.

С. Кустанович
Рис. И. Кошкарёва

Ц В Е Т Ы Т У Н Д Р Ы

— На Камчатке, как в Швеции или Норвегии, почти все цветы голубые и белые, желтых немного, а красных, если перечесть, на одной руке пальцев хватит, — напутствовала нас в дорогу Нина Алексеевна Ефремова, знаток камчатской флоры. — На Камчатке рододендрон как раз и есть самый ярко-красный цветок, — добавила она.

И действительно, где бы нам ни приходилось бывать, на острове Медном или в горах на высоте 800 — 1000 метров над уровнем моря, головки камчатского рододендрона замечашь первыми.

В фотоколлекции цветов, увы, набралось всего два красных тона. Вторым оказался кипрей, или, как принято называть этот цветок в народе, иван-чай.

Вообще на Камчатском полуострове подчас одно и то же растение у местных жителей имеет несколько названий. Вот, к примеру, купальница. Несмотря на то, что у нее ярко-желтые лепестки, жители юга Камчатки называют ее лазоревый цветок.

Волжанка и герань мирно соседствуют друг с другом на прогретых подземным теплом почвах около Паужетских ключей. Они, конечно, крупнее своих сородичей, живущих в обычных условиях. А вот камчатская роза-шиповник, хотя и растет в лесу и среди кустарников, все-таки больше всего любит открытое побережье океана. Казалось бы, питательных веществ в песчанике маловато, а нет, здесь и самые крупные кусты, и самые красивые цветы, а плоды вырастают больше ранетки.

Хотя кизильник, как и его западные сородичи, живет и в лесу, и в лесотундре, его хлопающие плоды здесь особенно крупные, яркие. Болет гигантизмом и камчатский мытник.

4*

Много еще всяких красивых растений встречается на Камчатке. Но мне особенно дороги те, что первыми осваивают новые труднодоступные районы. Вот только недавно произошло извержение вулкана. Шлак, вулканические бомбы, лава сожгли и засыпали лес, луга, безжизненный пепел покрыл огромные пространства. Но проходит год-другой — и упорная осока выстрелила первые ростки. Ветер, дующий со всех сторон света, крутит первого поселенца, от его стеблей остаются глубокие бородады в пепле, а растение живет, растет,

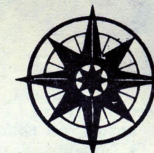
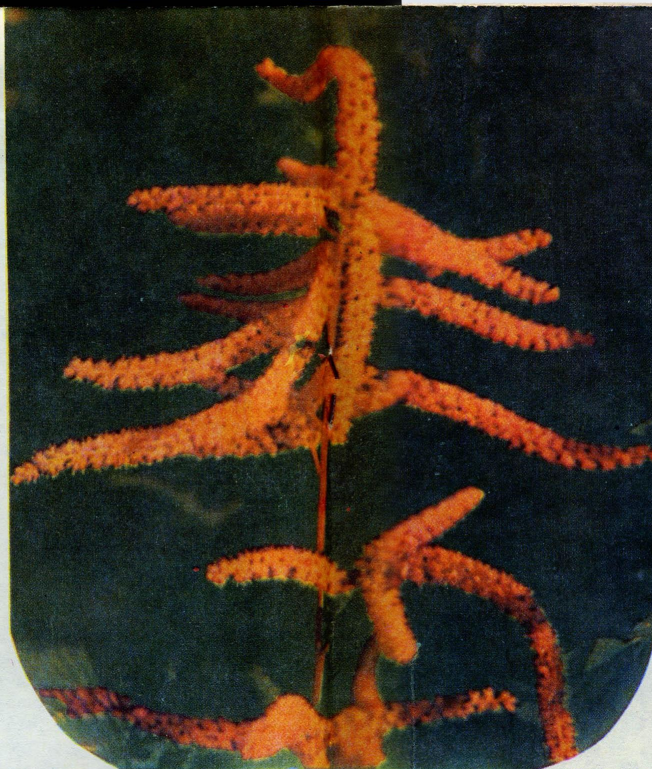

борется. Так же неприхотлива и морянка. Куски лавы еще не занесло песком и пеплом, следы разрушений вокруг, а светлые цветочки морянки уже блестят везде — значит, жизнь снова началась.

Остров Медный даже получил свое название за необычайно красивый осенний наряд. Правда, есть еще несколько легенд, объясняющих название острова, но, как только я увидел в конце сентября эту необычную тундру, сразу же поверил в первую. Оказывается, основным виновником такого цвета тундры является побуревшая листва гравилата.

На самых восточных наших островах мне довелось встречаться и с другими необычными растениями. На Командорские острова по грибы приезжают даже из Петропавловска. Здесь растут командорские белые

грибы. Растут не в лесах, их на островах нет, а прямо в тундре, большими семьями. И что удивительно, еще никто никогда не нашел в этих грибах ни одного червячка.

И уж совсем неожиданной была встреча с черникой. Ни на Камчатке, ни на соседнем острове Беринга ее нет, и вдруг на острове Медном черники столько, что ее заготавливают даже на зиму.

О растительности Камчатки написан не один толстый том. Но каждого нового исследователя здесь ждут десятки интересных и неожиданных встреч.

И. Вайнштейн
Фото автора

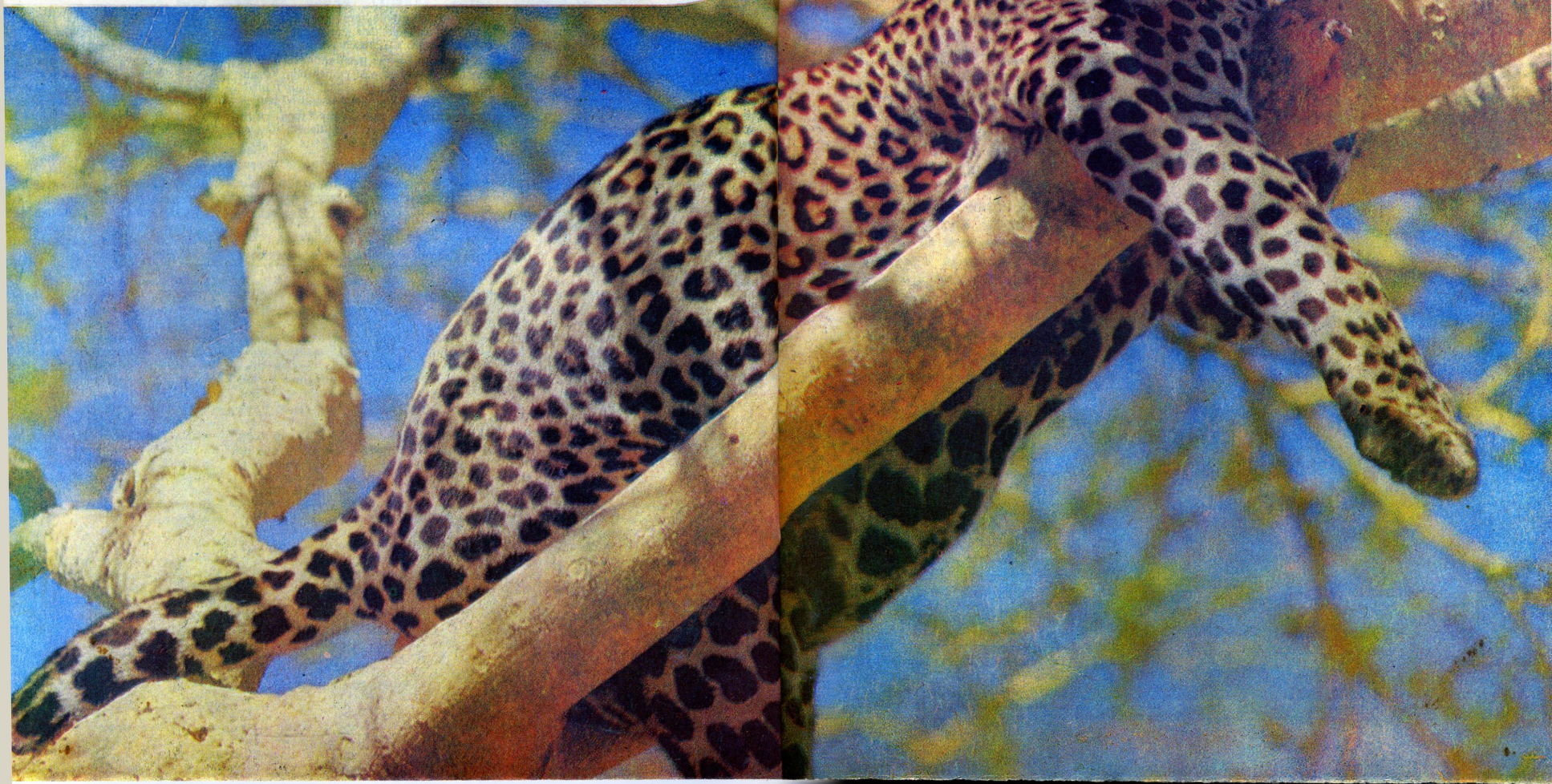
1 — рододендрон, 2 — мытник,
3 — волжанка, 4 — морянка,
5 — купальница.

Этого леопарда профессор Гржимек сфотографировал в Серенгети. Сделать это было нелегко. У пятнистой кошки тонкий слух и обоняние. Она чувствует добычу на далеком расстоянии, а уж запах человека улавливает сразу. Но на людей эта пятнистая кошка не нападает. Тигры и леопарды трусливы и стараются избегать встречи с человеком, не в пример львам, которые в заповеднике так привыкли к туристам, что не обращают на них никакого внимания.

До каких лет могут жить леопарды на воле, неизвестно. По внешнему виду определить возраст этого зверя тоже невозможно. Ученые стараются собрать такие данные лишь в зоопарках. Так, во Франкфуртском зоопарке есть леопард, которому больше 24 лет. Сейчас он уже так стар, что сотрудникам приходится кормить его из рук.

Фото из журнала «Дас тир»

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Заглянем с вами, дорогие друзья, в далекое прошлое Земли. Поговорим о временах, когда не было ни людей, ни хорошо известных нам животных и растений, ни современных гор и рек. За долгую историю Земли непрерывно изменялась ее поверхность. На месте суши появлялись моря и вновь затем отступали, поднимались и разрушались горы. На громадных древних континентах то возникали безжизненные пустыни и сухой горячий ветер раздувал красный песок, то вырастали необъятные леса диковинных растений, населенные неизвестными теперь животными.

Но откуда люди узнали обо всех этих событиях давно минувших дней? О них человеку рассказывают пласты земной коры, отложившиеся в древних морях и озерах, реках и пустынях. Очень часто в земных пластах находят скелеты древних обитателей нашей планеты. Изучают этих давно вымерших животных палеонтологи. Часто им приходится работать в очень трудных условиях: среди безводной пустыни или в непроходимых горных кручах, в дождливое ненастье, а иногда и в снежную пургу. Об одной из таких раскопок я и хочу вам сейчас рассказать.

Жарким летним днем 1953 года еще совсем молодой геолог из Саратовского университета Владимир Александрович Гаряинов шел вдоль берега Урала у села Расыпное Оренбургской области. Высоко стоявшее солнце серебрило воды реки. На противоположном берегу зеленел лес, а вокруг расстилалась слегка всхолмленная степь, поросшая редким типчаком и полынью. Впереди с крутого берега весело поглядывали покрашенные в белый и бурый цвета мазаные домики. Геолог прошел вдоль сложенного зеленоватым песчаником обрывистого склона и вскоре оказался у устья широкой балки.

Гаряинов выбрал левую ветвь — балку Маячную, покрытую редким лесом. Здесь должны быть самые крупные обнажения древних пород. И действительно, то там, то тут виднелись зеленоватые песчаники, среди которых выделялись красные с голубоватыми пятнами пласты глины.

Неожиданно внимание геолога привлек маленький красный обломок, валявшийся под ногами. Гаряинов поднял его. Это был кусочек окаменевшей кости древнего животного. Как он попал сюда? Несомненно, обломок принесла вода откуда-то из верховьев балки. Может быть, там за-

Рис. И. Захаровой

легают весь скелет? И Гаряинов устремляется на поиски. Шаг за шагом внимательно обследует россыпи гальки и кусочки песчаников и глины. А вот и находка — челюсть с громадными, изогнутыми назад хищными зубами. Она выступает из склона балки.

Об этом Владимир Александрович написал в Палеонтологический институт Академии наук СССР в Москву. Выяснилось, что кости принадлежат древним ящерам триасового периода протерозухиям — родичам предков динозавров. Это была первая достаточно полная находка останков таких ящеров в нашей стране. Судя по всему, Гаряинов нашел лишь немногое. Требовались специальные раскопки. И медлить с ними было нельзя.

Дело в том, что в природе действует одна сила, которая для исследователей земных недр одновременно является и большим другом, и злейшим врагом. Эта сила — вода. Когда она размывает верхние слои земной коры и обнажает ее недра, геологи благодарны ей. Но когда вода сметает все на своем пути и уничтожает ценнейшие научные документы, в том числе и следы былой жизни, она враг геологов. Поэтому всех очень беспокоила судьба невырытых находок, с которыми могли расправиться весенние воды.

Уже выпал снег, когда в Саратове приехал сотрудник Палеонтологического института Академии наук СССР Борис Павлович Вьюшков. И несмотря на то, что началась зима и стояли морозы, экспедиция из четырех человек отправилась в путь. На раскопки поехали Гаряинов, Вьюшков, Пресняков — лаборант из Палеонтологического института, опытный раскопщик. К великой моей радости, отпустили с занятий и меня — тогда студента четвертого курса. В конце ноября мы очутились в снежных просторах Оренбуржья. Остановились в одном из домов на близком к балке краю села и наутро отправились на «свидание» с гостем из давно исчезнувшего мира.

День выдался ясный. Зимнее солнце бросало на землю холодные лучи. Снежная пелена искрилась, будто усыпанная множеством бриллиантовых зерен. За ночь снег покрылся твердой корочкой, и она весело хрустела под ногами. Мы подошли к скованной льдом реке, окаймленной серой бахромой голых деревьев, и стали спускаться в глубокую балку. К счастью, снега в ней оказалось не так уж много. По склонам часто попадались оголенные участки, покрытые сухой травой. Отгибая голые ветви кустарника, мы пробирались по тальвегу. Он был покрыт льдом, под которым журчала вода. Вот мы и на месте.

Раскопки обычно ведутся сверху. Прежде снимается пустая порода над костеносным пластом. Лишь после того, как будет расчищена достаточно большая площадка, осторожно приступают к разборке самого пласта. Сейчас нам предстояло удалить кубометров двадцать земли. В мороз вчетвером быстро выполнить такую работу было не под силу.

И тогда мы вспомнили о школьниках. Во второй половине дня мы направились в местную школу. Директор, еще молодой человек, отнесся к нашей просьбе с большим участием и предложил пойти в 9-й класс поговорить с ребятами. Мы вошли в большую светлую комнату. Несколько десятков вихрастых голов устремило на нас внимательный настороженный взгляд. Откуда, мол, пришли эти четверо в вымазанных красной глиной телогрейках и что им здесь нужно? Перед ребятами выступил Вьюшков. Он рассказал о прошлой жизни Земли, о госте из давно исчезнувшего мира, найденном в балке около села, о том, зачем мы приехали сюда зимой, оставив все другие дела. Сказал, что работы много, а времени мало, и одним нам не справиться. «Вот почему мы обращаемся за помощью к вам, школьникам. Согласен ли кто помочь спасти для науки ценнейшую находку?» Недостатка в охотниках не оказалось.

На следующий день после занятий ребята пришли с лопатами на место раскопок, и работа закипела. Комья красной глины летели на дно балки. Ребята с нетерпением ожидали появления дикопиного зверя. Они осаждали нас вопросами: «А какой он? Как попал сюда?» Дело двигалось быстро, однако погода приготовила нам неожиданный сюрприз.

Каждый в школьные годы учил наизусть отрывок из «Капитанской дочки» с описанием оренбургской метели. Теперь нам пришлось испытать ее самим. Метель бушевала три дня. Ветер неистовствовал, вздымая клубы снега так, что ничего не было видно вокруг. Мириады снежинок неслись куда-то в клубящемся снежном вихре. Добираться до раскопок стало очень сложно. Мы увязали почти по пояс в снегу, мороз пробирал до костей.

В смерзшейся, пронизанной кристаллами льда глине было трудно различить сходные с ней по цвету кости. Еще труднее стало их извлекать раскопочными ножами. Одно неосторожное движение — и кости ломались, крошились. Мы не могли применить ни клеевую пропитку, ни гипс. Кости извлекали опытные старшие члены экспедиции, а я менее опытные от холода руками заворачивал находки в вату и плотную оберточную бумагу. Нам повезло.

Выяснилось, что здесь покоятся останки не одного, а нескольких животных. Наквозь промерзшие, затемно возвращающиеся мы со своей ценной ношей домой.

Когда через несколько дней работы были окончены, Борис Павлович рассказал об этих ископаемых животных ребятам.

В далеком триасовом периоде — две-три миллиона лет назад — вместо высоких возвышенностей Общего Сырта вокруг расстилалась обширная низменность, покрытая красноватыми илстыми и песчаными наносами прорезавших ее рек. Красноватый цвет земли пробивался сквозь густую по берегам рек растительность. Растения выглядели необычно и напоминали некоторых современных обитателей тропиков. Но они были настолько низки, что попадали сюда в ту минувшую эпоху всадник на лошади — он с седла далеко мог бы обозреть окружающую местность. На лишней растительности холмики ветер навалел барханчики красного песка. Забравшись на них, вероятно, можно было увидеть вдаль окружающую местность. На лишней растительности холмики ветер навалел барханчики красного песка. Забравшись на них, вероятно, можно было увидеть вдаль окружающую местность. На лишней растительности холмики ветер навалел барханчики красного песка. Забравшись на них, вероятно, можно было увидеть вдаль окружающую местность.

Крупные четвероногие протерозухии были обычными обитателями берегов и пойм рек в тех местах. Они напоминали двухметровых крокодилов. Короткие сильные ноги поддерживали тело. Крупная и более высокая, чем у крокодилов, голова с огромной пастью ящера, торчащие вниз кинжалоподобные клыки, бессмысленный тупой взгляд пресмыкающегося — таков

внешний портрет протерозухий. Эти животные с трудом пробирались в зарослях, высисывая добычу — мелких пресмыкающихся и земноводных. Они хватили жертву мощными челюстями и убивали. В этой заросшей и обводненной низине не было в то время страшнее хищника, чем протерозухии.

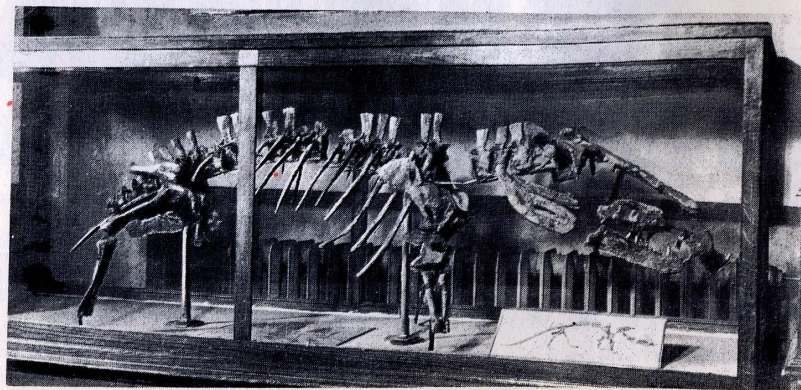
Скелет рассыпнянской протерозухии находится сейчас в большом зале Палеонтологического музея Академии наук СССР на проспекте Ленина в Москве. Он хорошо виден через стеклянную витрину. Его густо-красные кости как бы озарены необычным солнечным светом, вызывающим ощущение необъятных глубин времени.

В последующие годы мне пришлось провести не один десяток раскопок и не раз находить кости протерозухий. Вовраге Кызыл-сай в Соль-Илецком районе я откопал целый череп одного из этих ящеров. На небольших речках Донгуз и Бердянка, впадающих в реку Урал в Оренбургской области, часто встречал обломки их черепов, позвонки и кости конечностей. Но ни мне, ни другим исследователям в нашей стране пока так и не удалось найти столь хорошо сохранившийся целый скелет протерозухии, какой мы раскопали со школьниками у села Рассыпного.

За последнее время немало новых родичей этих ящеров найдено в различных странах: в Китае в Шанси, в Швейцарии на горе Сан-Георгия, в Восточной Африке в Танзании, но особенно много в Южной Америке в Аргентине. И все же скелеты из Рассыпного по-прежнему остаются одними из наиболее полных. До сих пор палеонтологи изучают эту находку, спорят и пишут о ней в научных статьях.

В. Очев,

доктор геолого-минералогических наук

— Привет, привет, мои друзья!
Наконец-то наш конкурс ведущих позади. Почему я говорю об этом с таким облегчением? Потому, что, пока говорили другие ведущие, было слишком тяжело сдерживать себя от желания постоянно рассказывать свои удивительные истории, которые буквально переполнили меня и стали вырываться наружу. Я, правда, пытался задержать их, но они выскакивали одна за другой, и у меня остались от них лишь какие-то обрывки.

— Простите, дорогой Мюнхгаузен, но это... Это, некоторым образом, невероятно!

— Не забывайте, Паганель, со мной случались и более странные вещи.

— Но убежавшие истории — это что-то совсем неправдоподобное.

— Безусловно, другой бы на моем месте растерялся, но не таков я!

— И что же вы придумали, Мюнхгаузен?

— Я сказал себе: немедленно в Клуб Почемучек! Немедленно! И вот я здесь! И прошу всех занять места: начинаем очередное заседание Клуба Почемучек.

Итак, отрывок первой истории.
...Корабль, на котором я плыл (не имеет значения куда), вдруг покачнулся, и страшные щупальца спрута вынесли

Рис. В. Карабуга

меня за борт. Выхватив нож, я размахнулся и ударил спрута по его длинным рукам.

— Брызнула кровь, окрасив воду, и вы... Уверю вас, вокруг была чистая прозрачная вода.

— Видимо, Мюнхгаузен, у вас действительно сохранились лишь отрывочные воспоминания. Вы ударили спрута, что же было дальше? Кровь должна окрасить воду... В таком случае какого же она цвета?

Какого цвета кровь?

Рассказывает кандидат медицинских наук
Константин Климентьевич Сидоров

Дело в том, что кровь спрутов необычная, голубая. Цвет крови зависит от наличия атома металла в составе дыхательных пигментов: гемоглобина, хлорокруорина, гемэритрина и гемоцианина.

У человека, всех позвоночных животных, а также у некоторых беспозвоночных в состав, гемоглобина входит окисное железо, придающее их крови красный цвет.

В составе хлорокруорина содержится закисное железо, которое и окрашивает в зеленый цвет кровь некоторых холонокровных животных из группы многощетинковых червей.

А у некоторых червей розовая кровь. Это оттого, что в их крови содержится гемэритрин. Все эти три дыхательных пигмента содержат атом железа.

В крови спрутов, каракатиц, некоторых паукообразных, высших ракообразных — гемоцианин. Вместо атома железа он содержит атом меди. Вот почему кровь этих животных голубая.

Чаще всего в крови животных находится гемоглобин, реже гемоцианин, другие дыхательные пигменты встречаются совсем редко. По словам К. А. Тимирязева, «самые важные в органическом мире пигменты: красный пигмент крови — гемоглобин — в животном царстве и зеленый пигмент листьев — в растительном». Интересно, что по своей структуре гемоглобин и хлорофилл довольно близки, однако вместо железа в состав хлорофилла входит атом магния.

— Надеюсь, друзья, вы теперь убедитесь, что я не зря так торопился в Клуб Почемучек, чтобы восстановить удивительную историю, лишь часть которой мне удалось сохранить.

— Но она, кажется, не единственная у вас? Продолжайте же.

— Да, да. То, что сохранилось у меня от второй истории, сводится к следующему.

— Дорогой Мюнхгаузен! Прежде чем вы начнете свою следующую историю, позвольте предложить Почемучкам небольшое поручение Паганеля. Задание дает научный сотрудник Зоологического института АН СССР Андрей Валентинович Макрушин.

Жизнь в капле

Где-нибудь в ямке на обочине проселочной дороги среди размокших прошлогодних травинков медленно плавают брюхоногие моллюски. А в грязной канаве у скотного двора пляшут дафнии. Всюду можно встретить диковинных коловраток, инфузорий, планарий, одноклеточные водоросли.

Человека манит загадочная жизнь океана, тропические леса Африки, красочный мир кораллового рифа. Но вооружитесь сачком и лупой — и вы найдете в придорожной луже, прогретой весенним солнцем, не менее фантастический мир животных и растений, манящих своей неизученностью.

Планктонные организмы, живущие в лужах, всегда стоят перед грозной опасностью: лужа быстро высыхает, и кто не успеет подготовиться к этому, тот погибнет. Чтобы продолжить свой род, многие из них все дно лужи усеивают яйцами, не боящимися сухости, другие при высыхании зарываются в ил и, окружая себя твердой оболочкой, впадают в состояние покоя — превращаются в цисты. Потом птицы и ветер переносят их в другие места, но большая часть гибнет.

Существа, обитающие в лужах, — вечные странники, не имеющие постоянного места жительства. Рачки-моины, живущие в луже под Ленинградом, возможно, являются потомками моин, в прошлое лето живших в степях Украины. Цистами и яйцами планктонных беспозвоночных усеяны лужи всей Земли. Они есть в тундре, где лужи не пересыхают все короткое северное лето, и в пустынях Африки, где лужи бывают не каждый год и держатся не более одной-двух недель. Они есть во мху, в дуплах деревьев, в пазухах листьев. Они терпеливо ждут своего часа, и, если дождется, начинается бурная, но короткая жизнь.

Жизнь в лужах полна опасностей. Ливень, казалось бы, удлиняет жизнь лужи, должен продлить и жизнь ее обитателей. Однако часто ливни приводят к гибели планктонных организмов в луже. И скот, пришедший на водопой и замутивший воду, может привести к катастрофе жителей луж. Но, погибнув в одном месте, они в огромном количестве появляются в другом.

Рачки, обитающие в лужах, являются лучшим кормом для рыб. Они богаты питательными веществами. Это давно

известно рыболовам. Поэтому, когда не хватает корма для мальков рыб, полученных из икры на рыболовных заводах, они разводят рачков, взятых из луж. Кроме того, другие планктонные рачки так быстро не размножаются и не создают таких густых скоплений, как моины и дафнии, обитающие в лужах.

Реки и озера питаются в основном подземными водами — ключевыми, профильтрованными через многие слои грунта и почти лишенными бактерий. Лужи заполняются водой, стекающей по поверхности почвы и смывающей с нее остатки погибших растений и животных (насекомых, червей), а вблизи населенных пунктов и нечистоты. Поэтому в лужах всегда много бактерий. Рачки, обитающие там, являются очистителями этих вод. Они питаются бактериями, микроскопическими водорослями и гниющими частицами, взвешенными в воде. В лужах для них всегда много пищи.

Люди еще не научились использовать большие возможности, скрытые в планктоне луж. А ведь это естественные очистители природных вод, корм для рыб.

Встреча с природой, особенно весной, всегда приятна и радостна. Проходя мимо лужи, зачерпните воду из нее банкой и рассмотрите под лупой. Вы можете встретить удивительные существа.

— Это задание так и назовем «Жизнь в капле». Тот, кто захочет выполнить его, пускай подсчитает и назовет все живые организмы, которые обнаружит в капле воды, взятой из лужи. Кто увидит больше?

— Неплохо сказано: кто больше увидит. Именно об этом моя другая история.

...Кругом пустынная каменистая местность. Как обычно, ничто не может скрыться от моего пристального взгляда. Что же привлекло мое внимание на этот раз? Какой-то жук торопливо убежал в нору... грызуна!

— Необыкновенно!

Почему торопился жук?

Рассказывает доктор биологических наук Павел Иустиневич Мариковский

Такыр среди пустынных каменистых гор в Сюгатинской равнине показался уже за десяток километров. Яркое светло-желтое пятно. Его окружают заросли низкорослых кустиков.

Остановив машину, я иду осматривать

такыр. Остальные члены нашей экспедиции принимаются устраивать бивак.

На небе ярко светит солнце, и такыр кажется ослепительно белым. Интересно, какие здесь насекомые? У небольшого кустика терескена, возле входа в муравейник, суетятся муравьи-бегунки. Не зря суетятся. К ним бесцеремонно забирается кирпично-красный, с темными ногами и усиками полынный листоед. Бегунки не пускают к себе нахала, тащат его наверх за ноги, за усики, но жук сопротивляется, упрямо не желая изменять своего намерения. Зачем ему понадобилось муравьиное жилище, что он, вегетарианец, нашел там и почему не желает покинуть это оживленное и спокойное место?

Я продолжаю путь. Приглядываюсь к редким скоплениям растений, к окружающим такыр горкам, холмам. Както необычно чувствуешь себя в глухой пустыне на такой гладкой, как асфальт, поверхности.

По светлому такыру мчит на длинных ходулях-ногах жук-чернотелка. Среди голого, безжизненного пространства и обычный жук-чернотелка привлекает внимание. Торопясь, он скрывается в норке грызуна.

Зачем чернотелке спешить в укрытие, когда еще только середина дня?

Я бреду дальше по голому такыру, не отрывая взгляда от земли, останавливаясь возле редких куртинок кустарников. Вот позади меня крикнула каменка-плясунья. Оборачиваюсь — и вижу необычное: на горизонте поперек обширной Сюгатинской равнины, прикасаясь одним краем к горам Турайгыр,

другим — к горам Богуты, по синему небу плотной стеной мчится темно-серая мгла урагана. Скоро она доберется до такыра.

А на биваке никто не подозревает об этом. Я вижу в бинокль: все заняты делами, растянули палатку, готовят обед. Тогда я пишу записку, посылаю с ней Зорьку и сам бегу следом за собакой. Резвый пес домчится до бивака на несколько минут раньше меня.

Вскоре ураган закрыл мглой пустыню, налетел на нашу стоянку, мелкими камешками ударил по машине и с такой яростью набросился на палатку, что ее пришлось спешно свернуть.

Потом о такыр застучали редкие крупные капли дождя, и сразу стало холодно и неуютно. Да, неплохо бы сейчас последовать примеру листогрыза и чернотелки. Не случайно они забрались в надежное укрытие. Спрятались от непогоды!

— Что ни говори, а находчивость — великая штука. Как раз об этом была моя следующая история, от которой сохранились лишь две фразы: «Я сидел на берегу болотистого озера. Не озеро, а настоящий лягушатник».

Находчивые аисты

Рассказывает Виктор Платонович Приходко

Я сидел на берегу болотистого озера. Не озеро, а настоящий лягушатник. Лягушки и в траве затаились, и на дно

ныряют, и по кочкам расселись, тишиной любуются.

Недалеко от меня опустились два аиста. Для них тут вроде бы столовая. Хочешь, на первое — зеленоватая травяная лягушка, на второе — темно-бурая береговая квакушка, а на третье — зеленая жаба. Но разве их в траве поймашь? Ходят аисты не спеша, красные ноги переставляют. А лягушки перед самым клювом бултых в воду! И поминай как звали. Что же придумать?

Вот тут-то птицам словно кто-то дал мудрый совет. Один аист забрел в озеро и идет вдоль берега, а второй по траве важно вышагивает. Завидев опасность, лягушка в озеро прыг! А аист тут как тут. Проглотит — и следующую поджидает.

Вот так они и охотились. Оказывается, лягушек ловить тоже дело непростое.

— Друзья мои, Почемучки! Мне пришла в голову блестящая мысль: обратиться к вам за помощью. И тогда я получу продолжение не одной, а десяти, ста, тысячи историй.

Итак, начало такое: «Меня поразила находчивость животных (или растений). Я наблюдал это своими глазами. Дело было...»

Дальше вы продолжаете свой рассказ, который и присылаете мне.

Повторяю: это должен быть рассказ о находчивости, которую вам приходилось наблюдать у животных (или растений).

На рассказах делайте пометку: «Находчивость — великая вещь».

За самые интересные рассказы будут присуждены дипломы.

А теперь еще одно письмо.

Здравствуй, барон Мюнхгаузен!

Мы начали подкармливать зверей и птиц. На опушке расставили корытца и положили соль. Будем проверять корытчики.

На снегу и на земле заметили следы косули, зайцев. Возле солонца следов не было. Продолжаем наблюдать.

Весной и летом мы собираемся заниматься кольцеванием птиц, но никак не можем достать колец и хотим развесить плакаты по теме «Охрана природы». Но где можно взять плакаты или листовки? Если можете, помогите нам.

с. Диканька
Полтавской области

Саша Ближнюк

— Такие же письма прислали в редакцию Сережа Баранов, Миша Кривов и многие другие ребята. Дорогие друзья, вам отвечает биолог Надежда Константиновна Носкова.

Вы занимаетесь очень полезным и увлекательнейшим делом. И птицам и зверям — лосям, косякам, зайцам — помогать надо обязательно, а наблюдать за их поведением, за их повадками очень интересно. Важно изучить, когда и какие птицы прилетают на ваши кормушки, какой корм они берут охотнее всего, когда начинают разбиваться на пары, делать гнезда, выводить птенцов, как родители выкармливают их. Да мало ли тем для наблюдений найдется у внимательного натуралиста!

Сашу интересует, где можно достать плакаты или листовки об охране природы.

Такие плакаты можно сделать самим — тут поможет вам, ребята, ваша фантазия и мастерство. Можно обратиться в районное (или городское) общество охраны природы — там вам могут дать готовые плакаты.

Помните только, что развешивать плакаты надо лишь в тех местах, где бывает много народу. А вообще лес не стоит слишком «украшать», он прекрасен сам по себе.

А вот самим кольцевать птиц мы вам не рекомендуем. Дело в том, что кольцевание птиц применяется широко только в научных целях. С помощью этого метода изучаются многие вопросы биологии птиц — из каких гнездовых районов, какими путями и куда улетают зимовать птицы, скорость их движения во время перелетов, продолжительность жизни разных видов птиц.

Чтобы получить какие-то результаты от кольцевания, необходимо кольцевать сразу очень много птиц, особенно мелких — стрижей или деревенских ласточек. Для этой цели у нас в стране и за рубежом организованы специальные орнитологические станции, кольцующие ежегодно десятки и сотни тысяч птиц. Хорошо известная специалистам орнитологическая станция на Куршской косе в Балтийском море (место пролета большинства наших птиц) кольцует за сезон до 45 тысяч птиц, а орнитологические станции в Казахстане — до 3 тысяч в сутки.

Организацию кольцевания осуществляет Центр кольцевания птиц. Там собираются все сведения об окольцованных птицах, отсюда на орнитологические

станции отправляются кольца. Обычно это легкие алюминиевые колечки с международными знаками и с отличительными значками Советского Союза, с названием организации, производящей кольцевание, номером птицы. Все сведения о птице под этим номером записываются в специальных дневниках.

Птиц для кольцевания отлавливают сразу специальными ловушками, которые не травмируют и не пугают их.

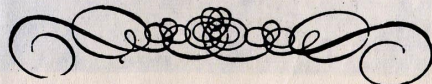
Сведений об окольцованных птицах поступает не так уж много. Так, например (мы берем средние данные за несколько лет), из 1000 окольцованных деревенских ласточек можно узнать о судьбе одной-двух. Это объясняется тем, что ласточки очень осторожны, их не так-то легко поймать, да и гибнет их много во время дальних перелетов. А вот из тысячи окольцованных промышленных птиц — уток, гусей — сведения поступают примерно о пятнадцати-двадцати птицах. Это и понятно: промысловых птиц часто отстреливают, да и на лапках крупных птиц кольца заметны лучше.

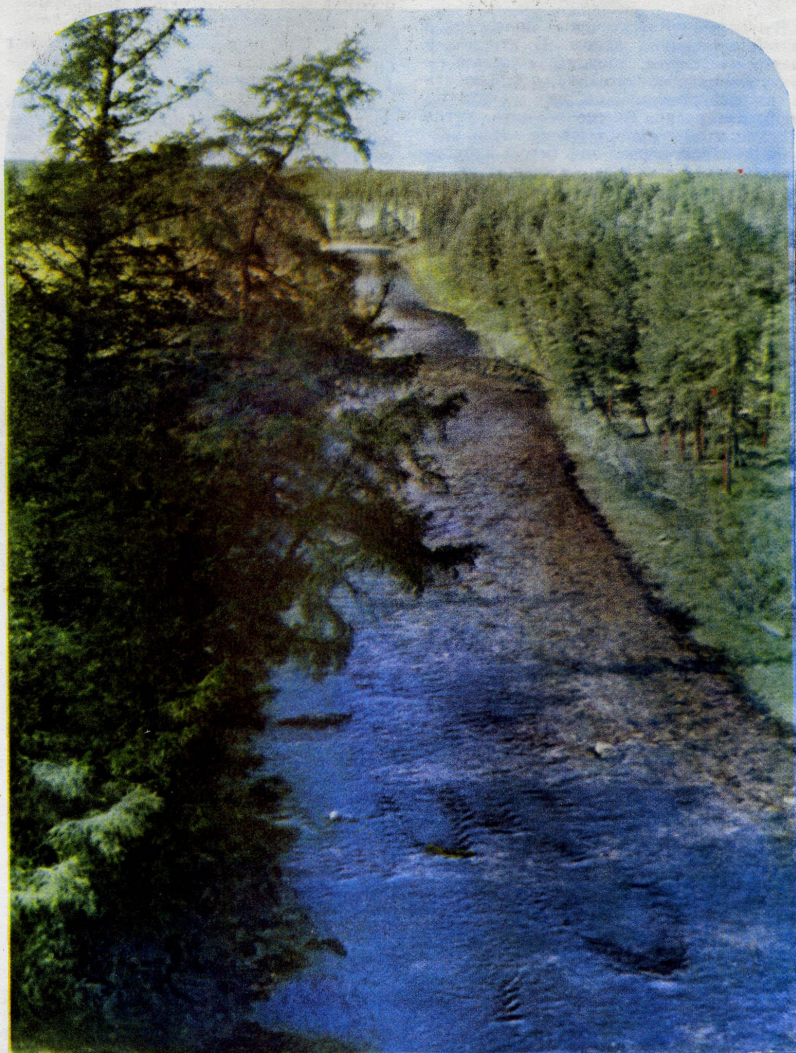
Сотни орнитологов сейчас наряду с другими методами (физиологический эксперимент, применение радиолокаторов) продолжают применять метод кольцевания.

Существуют и объединения школьников, занимающихся кольцеванием. В тех районах, где проходят пути миграции птиц, ребята под руководством опытных специалистов в определенное время тоже кольцуют птиц, чаще всего скворцов. Руководит работой школьников Окский государственный заповедник. Сотрудники заповедника получают и обобщают сведения об окольцованных птицах, высылают ребятам кольца, полученные от Центрального бюро кольцевания. Но, повторяем, делается это в строго организованном порядке. Кольцевать птиц самим — отлавливать их, надевать на лапки самодельные кольца — нельзя. Это не только травмирует птиц, но и не дает никаких результатов.

— А теперь, друзья, пора расставаться.

До новых встреч в мае!

Много еще не изученных мест в Северной Якутии. Природа здесь дика и необузданна, и не сразу угадаешь, что откроется твоему взгляду во время путешествия.

В прошлом году удалось мне принять участие в палеоэкологической экспедиции. Обследовали мы окрестности реки Большая Куонапка. Добирались туда, конечно же, вертолетом. Первая остановка была у реки Мочела, таинственные, суровые берега. Спускаться на плоту не каждый решится. А Большая Куонапка полноводнее и шире. На ее берегу соорудили мы крепкий плот, распрощались с вертолетчиками — и в путь. Ходко двигались мы вниз по течению, не раз приходилось принимать холодные ванны, зато сколько интересного встретилось в пути.

Геологи из нашего отряда обследовали обнажения на речных берегах. Меня же интересовали звери и птицы. Правда, не всегда можно было взять их визитные карточки, сфотографировать, очень уж быстро шел наш плот. Но однажды на высокой скале заметил я молодого ястреба. Птица настороженно смотрела в нашу сторону, сидела так высоко, что не сразу удалось сделать ее портрет.

Много подобных встреч было в пути. Вот когда убедился я, что поистине богат животный мир Северной Якутии.

В. Зайцев
Фото автора

Таежные новоселы

Наш рассказ пойдет о цветниках из таежных растений, которые придадут своеобразный колорит сибирским городам и поселкам.

Видели ли вы, как цветет приангарская тайга, когда одна волна ярких цветов сменяет и дополняет другую? Сначала широким фиолетовым морем разливается прострел, за ним сиренево-розовый рододендрон. Ярким пламенем

горят жарки. Зацветают водосборы и анемоны. Их сменяют сибирские орхидеи — венерины башмачки — и грациозные красавицы лилии.

Еще в низинах лежит снег, еще холодно по утрам, заморозки, а уже синие и фиолетовые мохнатые бокальчики цветов приветствуют весеннее солнце. Сначала появляется один куст, за ним другой. И вот уже весь таежный лес заиграл разноцветной радугой. Это цветут сибирские подснежники. У них много названий: по-

стрел, прострел, сон-трава. Есть прострелы с желтыми цветками, но чаще они фиолетовые или синие.

В начале цветения у прострела нет ни листьев, ни стебля, а только венчик. Кажется, кто-то специально воткнул в землю свежее, молодое, с еле заметной цветоножкой цветы. По мере роста стебель вытягивается, и появляются листья.

Отцвели подснежники. Лето вступает в свои владения. Каждую неделю зацветают все новые и новые растения.

Настоящее украшение лесов и лугов — купальница азиатская, жарок. Впервые попал в Сибирь, просто не веришь, что такие красивые растения — дикорастущие. Сибиряки, правда, уже привыкли к ним, окраска жарков их не поражает. Но человек, впервые попадающий в Восточную Сибирь, с удивлением останавливается перед этим произведением природы.

Купальница азиатская по праву считается лучшим дикорастущим многолетником. Она значительно красивее своих сестер — ку-

пальниц китайской и европейской.

Почти одновременно с жарками зацветает водосбор сибирский, или шпорцы. Местные жители его называют колокольчиком. Длинные шпорцы, лилово-синяя чашечка и бледно-желтый венчик придают цветку необыкновенное изящество. Цветет водосбор сибирский с конца мая и до июля.

И так день за днем все больше и больше появляется цветущих растений. Они спешат, торопятся жить.

Вот зацветает еще один многолетник из семейства лютиковых — анемон волосистый, или нарциссоцветный. В переводе «анемон» означает «ветер», поэтому этот цветок называют ветреницей. Изящные белые цветки напоминают мелкие нарциссы, собранные в зонтики. Зеленые стебельки густо покрыты короткими пушистыми белыми волосками. Почти весь июнь цветут анемоны.

Вряд ли найдется в Сибири растение, по красоте равное рододендрону даурскому, по-бурятски морюльчи. Этот первый цветущий кустарник знаменует наступление весны. Когда на деревьях едва пробиваются почки, а поля еще не покрылись травой, рододендрон зацветает во всей своей красе. Цветет рододендрон — и все склоны прибайкальских сосняков залиты яркой сиренево-розовой пеленой. За окраску своих цветков и называют рододендрон розовым деревом. Сибиряки же зовут его багульником, что неправильно. Рододендрон и багульник относятся к одному семейству вересковых, но это совершенно различные растения.

Первая половина июня. Покрытые цветками, словно в белоснежных шапках, стоят яблони. Резко выделяются нежно-зеленые молодые побеги пихты и ели.

По берегам мелких речек на рыхлой и богатой гумусом почве растет марьян корень. Это крупное растение, до метра высотой, образует большой куст. Яркие розово-красные или бледно-малиновые цветки появляются в июне. По сравнению с культурными сортами розовый пион кажется скромным, но, когда кусты марьяниного корня, усыпанные большими цветками, сидят рядом друг с другом, кажется, что кто-то специально посадил их.

В Приангарье встречаются спиреи (таволга) средняя и иволгинская. Особенно привлекательны они во время цветения, в мае — июне, когда белыми соцветиями усыпан весь куст. Цветет спирея около двух недель. Хорошо растет спирея на солнечных полянах, вырубках, вдоль дорог, переносит она и небольшое затенение.

Сибирские орхидеи — венерины башмачки, или, местному, кукушкины слезки — селятся на сырых лугах, у болот, во влажных лесах.

Встречается три вида венериних башмачков. Все они имеют характерную форму цветков со вздутой мешковидной губой, окруженной четырьмя изящными лепестками. Венерин башмачок красный (сибиряки называют его кошелек) самый крупный. У лимонно-желтого башмачка губа узкая, лепесток буро-коричневый. Самая маленькая орхидея — крапчатая. Высота ее двадцать сантиметров. Цветки белые с малиновыми крапинками.

В последнее время в связи с большим строительством в Сибири орхидей становится все меньше и меньше. Их рвут на букеты, выкапывают с корнем. А они очень нуждаются в нашей охране и размножении.

Путешествуя по Ангаре, вы обязательно обратите внимание на изящное растение саранку. Так называют в Восточной Сибири лилию тонколистную. Зрелище цветущей саранки поистине волшебное. Сорвать ее подчас бывает очень трудно, так как она селится на обрывистых скалах, россыпях, обращенных к солнцу. Цветки лилии тонколистной душистые, поникшие, луковица съедобная, по вкусу напоминает плоды каштана.

Конец лета. В лесах и горах преобладают синие

и фиолетовые тона. Это цветут дельфиниум высокий и горечавка.

Как же сохранить все эти таежные цветы? Необходимо ввести их в культуру, «поселить» их в садах, парках. Многие ребята пересаживают из тайги живые растения. Как правило, такие растения плохо приживаются, уж не говоря о том, какой вред наносится природе.

Лучше собрать семена и посеять их на грядки. Правда, выращивать растения из семян — процесс более трудоемкий, нужно запастись терпением. Зато цветы, выращенные таким способом, крепкие, здоровые.

Собранные семена высевают на заранее подготовленные грядки. Через год семена теряют всхожесть, поэтому высевать надо только свежесобранные.

Почва должна быть рыхлая, питательная и влажная. Как только появятся росточки, их необходимо притенять. На следующий год весной сеянцы необходимо рассадить. На третий год после посева молодые растения высаживают на постоянное солнечное место.

Г. Тафинцев
Фото автора

1 — прострел, 2 — венерин башмачок.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! У многих из вас накопилось немало черно-белых и цветных фильмов, снятых на стандартной 8-миллиметровой киноплёнке и на киноплёнке типа 8С (супер-8). Рекомендуем вам для их демонстрации любительский кинопроектор простого класса

«ВОЛНА».

Стоимость этого кинопроектора — 95 руб. Кстати, кинопроектор «Волна» по своим техническим характеристикам превосходит кинопроекторы «Луч-2» и «Луч-2С8». Наличие автоматической зарядки фильма в фильмовый канал и на бобину, возможность демонстрации фильмов двух форматов, низкий уровень шума, простота и удобство в эксплуатации, оригинальный и современный внешний вид кинопроектора ставят его на уровень самых современных образцов кинопроекторов простого класса. Желающие приобрести такой кинопроектор могут написать об этом в книге пожеланий ближайшего магазина, торгующего кинотоварами.

ТСО «РАССВЕТ»

Рис. В. Прокофьева

ХИТРОСТЬ СТАРОГО БОБРА

К нам на Вятку из Воронежского заповедника привезли шесть бобров. Места у нас лесные, речные, озерные — самые бобровые места. Жить им у нас и не переводиться.

Бобров мы везли вдвоем с товарищем на моторной лодке.

Сидели они в деревянных ящиках, обитых оцинкованным железом, чтобы ни один пленник не прогрыз их и до срока не убежал на волю.

В дороге мой товарищ нечаянно задел багром за задвижку — ящик открылся, и бобр вылез наружу.

А мы до этого случая бобров в глаза не видели и не знали, как с ними обращаться. А бобр большой, темный, глазки как пыльная смородина, и шипит — резцы показывает. Белые, страшные.

Я кричу на него:

— Кыш на место! Кыш!

А он в ответ:

— Шишш... Шишш.

Получается, что ругается бобр, передразнивает меня: я ему «кыш», а он мне «шишш».

— Эх ты, грубиян!

Мой приятель хотел багром его пострадать и в ящик загнать, а бобр нырнул в реку — и поминай как звали. Мы мотор заглушили и ждем, когда беглец покажется.

Товарищ багром в Вятке шарит, но, конечно, без толку. Это потом мы узнали: багром бобра ловить все равно что пытаться рукой рыбу в реке поймать за хвост. До вечера мы прождали — так и не увидели, где он вынырнул.

Место это мы запомнили — лесные уголья бригады Тутышкина — и поехали домой.

Приехали мы в заказник и без приключений выпустили бобров на лесное озеро.

Живем, охраняем заказник, а про бобров ни слуху ни духу. Как их и не было.

В чем дело? Не померли же они все?

Погода стоит хорошая, корма для гостей достаточно — осина, ива, кувшинки желтые и белые. Как говорится, стол накрыт, а званных гостей нету.

Зиму мы перезимовали, про бобров не слышали. А на другой год прошел слух, что в угольях бригады Тутышкина объявились бобры и речку Прость всю испортили — всю деревьями завалили.

Моя обязанность — этот слух проверить.

Прибыл я на место.

Все правильно — бобры есть. Их самих,

понятно, не видно, они звери ночные, скрытные, но то, что они здесь, понятно. Речка Прость перегорожена плотной из веток и земли, да такой прочной, не только человека — лося плотина выдержит и не шелохнется. Перед плотинкой речка разлилась, а мальчишки удят рыбу.

Я спрашиваю:

— Клюет?

— Хорошо, — говорят, — клюет. Караси да окуни.

— Крупные?

— Средние.

— А раньше клевали?

— Раньше не клевали. Раньше река вся высыхала, и даже пескари в ней не всякий год водились.

Стемнело, ребяташки рыбу на кукунах домой понесли, а я сижу бобров высматриваю. Прилетели дикие утки, плещутся, меня не замечают, до того тихо я сижу. А ближе к полуночи и бобры появились. Темно, их самих не видно, только плеск стоит, будто пудовые сомы в воде воросятся.

Порадовал меня этот плеск — значит, бобры прижились, пусть не у нас в заказнике, но все равно в нашей стороне, и доброе дело сделано.

Я еще тогда подумал:

«Это их, наверное, бобр-беглец сюда привлек. Или они сами его нашли: он в этих местах у нас с лодки убежал».

Пришел я домой и обрадовал своего товарища известием о бобрах.

— Нет худа без добра, — говорит он мне, — не зря убежал бобр, который тебя передразнивал.

— Это еще как сказать!

Осенью мы с товарищем пошли бобров навестить. Приходим, и не узнаю я местность: плотина сломана, озера нет. Да и речки нет — одна жидкая грязь.

Вот так штука!

Ребятишек встретил, тех, что когда-то окуней да карасей ловили. Спрашиваю:

— Клюет ли рыба в Прости?

— Нет, — говорят, — не клюет. Плотину Тутышкин сломал.

— Почему?

— Не знаем.

Пошли мы к Тутышкину. Он чай пьет.

— Извините, — говорит, — я после бани. С полка слез, окатился прохладной водой — и чай пить.

Записки
натуральщика

— Ничего, — говорим, — чай пить полезно. Только почему вы бобровую плотину сломали? По какому такому случаю?

— Это, — говорит, — я справедливо сделал. От бобров деревья гибнут, комары разводятся, луга заболачиваются, малярия...

— Кто-нибудь заболел малярией? — спрашиваем.

— Нет, пока бог миловал. Но все равно — от бобров вред.

— А рыба, а утки, а сам бобровый мех — великая ценность?

— Ничего не знаю, — говорит Тутышкин. — Ничего не знаю и знать не хочу. Земля моей бригады, а если они вам нравятся, забирайте их и разводите у себя в заказнике. Я не возражаю.

Так и ушли мы от Тутышкина не солоно хлебавши.

Бобры-то нам нравятся, да не хотят они жить у нас на лесных озерах.

А на другой год бобры опять построили плотину на речке Прость, и опять появилась рыба и утки, и малярии никакой не было.

И опять Тутышкин плотину сломал, и все на речке замерло.

Где бобрам с Тутышкиным бороться? Он и технику может пригнать, скажем, экскаватор, и за полчаса плотину разрушить, и ружьем бобров пострелять, так что ни один охотничий инспектор не услышит. А что бобры? Бобры не тигры. Они безответные.

Не слышно стало бобров, как в воду канули. Или в другое место ушли или погибли? Да, печальная история.

Только прошло года два, идем мы с товарищем мимо речки Прость. Что такое? Стоит плотина, вся иван-чаем обросла, перед ней воды целое озеро, в воде рыба плещется, ребяташки с удочками стоят — те самые, подростки заметно, вытянулись.

— Клюет? — спрашиваю. — Караси и окуни?

— Караси и окуни.
— А дикие утки прилетают?
— Они на зорях прилетают.
— А Тутышкин как же? — спрашиваем.
— Что Тутышкин?
— Как он на всю эту красоту смотрит, почему плотину не ломает?

— Нет Тутышкина, — говорят ребята. — С работы его сняли за нерадивое отношение к своим обязанностям.

— И бобров вспомнили?
— И бобров вспомнили. Вместо того чтобы дело делать, он природу разоряет. Вот так бобры! Победили они Тутышкина. Измором взяли.

Остались мы с товарищем на ночь на плотине. Дождались, когда бобры на работу выйдут. На наше счастье, ночь была

ясная, с месяцем, и мы видели, как они купаются, как плотину чинят: в передних лапах, как в руках, носят ветки и палки, укладывают, где в ряд, а где наискось, и мокрой землей замазывают. Споро работают, дружно, как люди. Один большой бобр совсем близко от нас трудится. Пыхтит и не замечает людей.

Ночь-то свежая была, мой товарищ и чихнул. А бобр как зашипит:

— Шишш!
И бултых в воду, а за ним и остальные. Закипела вода в озерке, и все стихло. Мой товарищ и говорит:

— Это тот самый бобр был. Беглец!

— Почему ты так думаешь?
— А тут и думать нечего. Я чихнул, а он мне вместо доброго здоровья по старой памяти говорит «шишш». Помнишь, как он тебя передразнивал?

— Помню, как не помнить.

Посмеялись мы и, чтобы не мешать строителям, пошли домой.

Так и живут бобры на речке Прость по сей день. Живут и никому не мешают.

Много их стало, и четыре семьи переселились к нам в заказник, на лесные озера. У нас в заказнике им хорошо, пищи вдоволь, Тутышкина и в помине нет. Я так и не пойму, почему им в первый раз у нас не понравилось. Быть может, бобрам хоть малое подавай, да течение? А может, их старый бобр переманил. Тот самый. Передразниватель. Кто знает?

С. Романовский

БОБЫЛЬ

Первыми скворечник посетили воробьи. Эти неугомонные проныры и отчаянные забияки затеяли такую шумную драку, что под тополем, на котором был укреплен скворечник, собрались чуть ли не все бродячие кошки нашего микрорайона.

Победителем оказался старый бесхвостый воробей. Пока остальные дрались на крыше скворечника, он сидел на ветке и внимательно наблюдал за дракой. Как только сцепившийся клубок начал рассыпаться, бесхвостый слетел с ветки и юркнул в леток. Через секунду из летка выснулась его плутоватая головка, и он радостно зачирикал. Драчуны все разом смолкли и разлетелись, а бесхвостый остался в скворечнике.

На следующий день он обзавелся проворной хлопотливой воробьишкой, и у них закипела работа. Воробьи тащили в скворечник все пригодное для гнезда: стружки, обрывки ниток, соломку, пух, клочки газет, тряпочки и даже умудрились стя-

нуть с нашего балкона ленточку, которой дочь подвязывала косу.

Прошло дня три-четыре. Бесхвостый и его подруга чувствовали себя полными хозяевами и продолжали набивать скворечник всяким хламом.

Но вот как-то утром, перед уходом на работу, я сидел на кухне и допивал чай. Вдруг через открытую форточку до меня донеслось неистовое воробьиное верещание.

«Не кошка ли там орудует?» — подумал я и распахнул окно.

Никакой кошки не было видно, а верещание и писк неслись из скворечника.

«Кто бы мог туда забраться?» — думал я.

Пока я стоял и раздумывал, из летка вместе с пухом и перьями ошалоело выпорхнули воробьи. Вслед за ними высунулся и

сам виновник воробьиного переполоха. Это был черный, с острым лимонно-желтым клювом скворец. Убедившись, что незаконные жители изгнаны, новый хозяин надолго скрылся в деревянном домике: видимо, хотел там навести соответствующий порядок. Изрядно потрепанные воробьи уселись на ветку ивы и, обиженно чивкая, клювиками начали чистить вздерженные перья.

Приведя себя в порядок, они встряхнулись и, как будто ничего особенного не случилось, весело зачирикав, полетели к соседнему дому: там под крышей, в стыке бетонных плит, виднелось большое углубление, пригодное для гнезда.

Когда я вечером шел с работы домой, то встретил пожилую женщину из нашего подъезда, Васильевну, которая видела, как я с ребятами устанавливал скворечник.

— Не зря старались, не зря! Прилетел ведь хозяин! — сообщила она радостно. — А как поет! Как поет! — с восхищением произнесла Васильевна. — Послушала и будто в своей родной деревне побывала.

На другой день мы всей семьей тоже слушали скворца. Этот чудо-пересмешник подражал своим пением многим птицам. И когда он свистел иволгой, заливался соловьем или трещал чечеткой, то стоило только закрыть глаза, и казалось, что ты переселился из своей квартиры куда-то на зеленую опушку и сидишь под прохлад-

ной сенью берез, а вокруг тебя собрались все крылатые певцы леса и поют, и заливаются на все голоса.

Порой скворец входил в такой азарт, что, журча весенним ручьем, то приседал, то приподнимался на крыше скворечника и при этом часто-часто трепетал крылышками. Лучи яркого солнца, падая на его черное, с металлическим блеском оперение, играли то зелеными, то фиолетовыми, то пурпурными переливами, и в такие моменты неказистый с виду скворец на глазах преображался в невиданную по красоте птицу.

Но вскоре скворцу стало не до песен:

прилетела его подруга, и он целыми днями таскал с ней в скворечник сухую травку, тонкие веточки, отдирав острым клювом старую мохалистую кору с кустарников. Позже, когда гнездо, видимо, было готово, скворец запел снова. Его излюбленным местом стала сухая ветка березы, прибитая к шесту, — там скворца можно было видеть в любое время дня.

Прошло время. У других скворцов давно выдупились желторотые птенцы, и неугомонные родители с утра до вечера сновали по газонам, клумбам в поисках пи-

щи для своего ненасытного потомства, а наш скворец все пел.

Как-то я встретил Васильевну.

— А скворец-то наш все поет! — кивнул я в сторону тополя.

— Запоешь, коль бобылем станешь, — угрюмо проговорила Васильевна.

— Как так? — не понял я.

— Да очень просто. Нет у него скворчихи!

— Как это нет? Куда же она делась? — удивился я.

— Кто ее знает? Может, кошка чья съела, а может, еще какая беда приключилась, — вздохнула Васильевна.

— Для чего же он тогда в скворечник червяков да кузнечиков носил? — все еще не веря услышанному, с удивлением воскликнул я.

— Пришло время птенцов выкармливать, вот и носил. А как у других скворцов птенцы повыветели из гнезд, и наш перестал носить, — пояснила Васильевна.

Рано утром, на восходе солнца, к тополю слетались скворцы. Они усаживались неподалеку от скворечника и молчали, будто хотели выразить этим сочувствие своему крылатому собрату. Посидев так некоторое время, улетали.

Наш скворец тоже улетал вместе с ними, но вскоре возвращался и, усевшись на свое излюбленное место, начинал петь. Только длинные трели его все чаще и чаще стали захлебываться какими-то жалобными вскриками и верещанием, будто он вырывался из кошачьих лап и никак не мог вырваться. Потом, спрыгнув на крышу скворечника и продолжая верещать, словно подбитый, топтался на месте и трепетал крылышками.

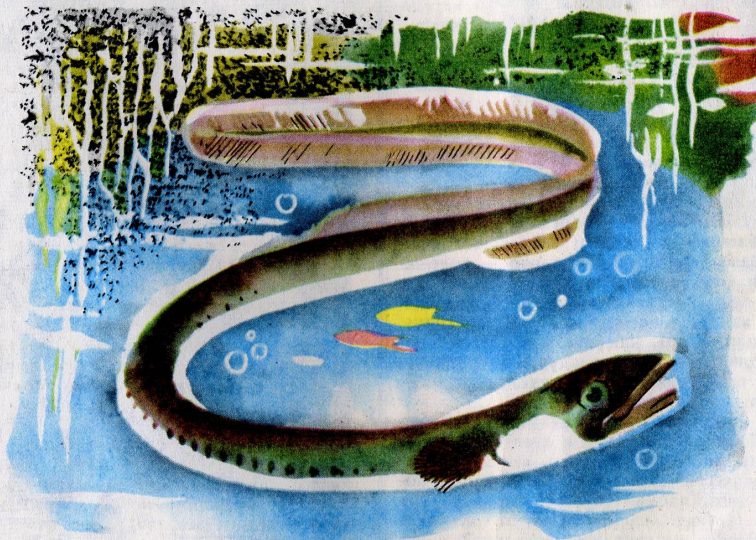
Многие прохожие останавливались под тополем, с умилением смотрели на танцующего скворца и, слушая его пение, улыбались. И никому не приходило в голову, что этот крылатый певец пел не от избытка радости, а от горькой тоски одиночества: он звал и звал свою пропавшую подругу.

В. Пеньков

УГОРЬ-БЕГЛЕЦ

Случилось все в апреле, когда месяц-обманчик теплоту сменяет холодом, а солнечную погоду — дождем и снегом. Будний день в павильоне охраны природы ВДНХ. На улице метель, а здесь тихо и уютно: радостно щебечут лесные пичуги, беззаботно плещутся бестеры, осетры, касатки-скрипуны. Быть экспонатом — большая честь не только для машин, прибо-

ров, материалов и самых разнообразных других предметов и вещей. Это как будто понимает и сам угорь, которого в павильоне все любовно величают Степаном. Он важно извивается в своем стоведерном жилище, словно бы выставляет себя на показ окружающим. И действительно, основное внимание и почет на выставке Степану. «Почему?» — часто спрашиваю себя. Ведь были на выставке и понаряднее и посимпатичнее рыбки — жемчужные, ярко-красные, мраморные, черно-бархатные, неоновые, золотые. И переливались они на свету — глаз не отведешь. Красавцы — слов нет. Но мы можем ви-

деть их у себя дома, у друзей, в зооуголках, парках и магазинах. Угорь — другое дело. Таинствен и скрытен, ловок и силен. Мы редко видим его вблизи. «Смотрите, смотрите, как он дышит, — говорили одни. — Устал, наверное, бедняга». — «Нет, вы только поглядите — ну форменная змея!» — говорили другие.

В один из дней я осматривал выставку. Порядок. Как будто все на местах.

— Да что же это такое, — слышу взволнованный голос хранителя экспонатов тети Кати, — угорь-то наш того... сбежал.

Гляжу на угорево жилище — и то

правда. Сам Степан исчез, а все остальные его подданные — подлещик размером с металлический рубль, десяток проворных, бесстрашных гуппят и крошечный лягушонок — лежат вверх животами. Стекло, на котором покоился светильник, на метр отброшено в сторону. Сама же лампа, вдребезги разбитая, валялась под аквариумом. У аквариума ни одного мокрого пятнышка. Знать, с тех пор, как угорь оставил водные апартаменты, прошло 5—6 часов. Иначе бетонный пол сохранил бы следы.

— Где-то наш бедняга теперь мается? — жалобно всхлинула все та же тетя Катя.

В самом деле, где же искать бедолагу?

Не исключено, что он сполз на первый этаж или забился в один из сырых углов подвала. Но удрал-то угорь на втором этаже, и, вероятнее всего, он скрывается где-то в этой плоскости.

Быстро, быстро, быстро. Все дружно за час до открытия павильона начали розыски. Не стало администраторов, хранителей, методистов, зато появилось ровно столько же Шерлоков Холмсов. Все пришло в движение. Неподъемные макеты, будто бы многопудовые шахматы, треща и поскрипывая, скачут по экспозиции. Муляжи и чучела — эти символы покоя и тишины — без усталости спуют по этажам.

Экскурсовод Тамара Васильевна умудрилась сцапать полудикого кота Франта, безуспешно разыскиваемого полтора года работниками санэпидемстанции. Люди сбились с ног, но главный виновник инцидента исчез.

В этот день павильон открылся с опозданием. Недовольно переговариваясь, посетители разбрелись по залам. И хотя выставка сверкала необыкновенной чистотой, нам было не по себе: несчастная рыба пропала.

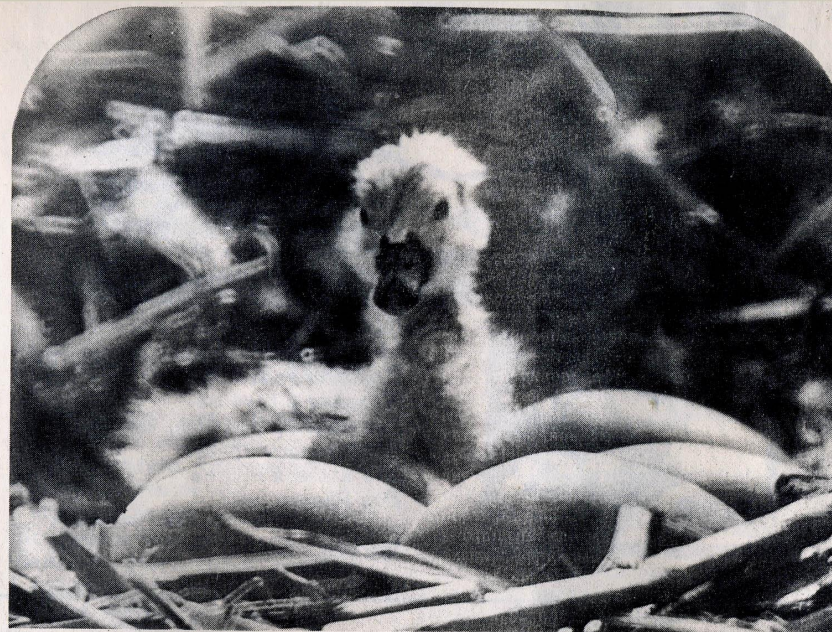
Известно, что многие рыбы обходятся какое-то время без воды, а угорь в этом деле даже преуспел. Воды много, она чистая и прозрачная, корма достаточно. Так чего же ему не хватало?

К полудню мы потеряли всякую надежду поймать беглеца, розыск был прекращен. Около семи часов вечера вбегает в администраторскую взволнованный посетитель: «У вас в вольере змея». Мы ринулись в птичье царство и замерли в недоумении: вот где нашел убежище герой нашей драмы. Исцарапанный, перепачканный в пыли, с налипшими перьями, Степан был похож на живое ископаемое. Дышал он заметно и ровно. Хитрец какой: он нашел птичью поилку и опрокинул ее на себя, облепив тем самым себе существование. Взяв угря в руки, я понял — силенок у него еще немало. Устроили ему небольшой душ и двухчасовую профилактическую ванну, а потом назад, в аквариум, посадили. Угорь, как мне показалось, спокойно перенес все процедуры и сразу же занял привычное место за кустом хитрантера в тени аквариума.

Мы любовались этой сильной и жизнеспособной рыбой. Вечером тетя Катя подошла ко мне растерянная и, смущаясь, заговорщически спросила: «Вот мы в табличке все пишем: «угорь — проходная рыба». А гляди, как он ловко от нас упорзал! Может, неверно его прописали? И какая такая рыба, скажите мне, может с птицами в одной клетке жить?»

Действительно, Степан, сколько бы еще ты мог провести в компании пернатых — час, сутки, а может быть, больше? Не хотел ли ты нам доказать, голубчик, как совершенствуется переход от жизни в воде к жизни на суше, от жаберного дыхания к легочному? Мы знаем, что это очень интересно, но зачем было рисковать жизнью? Ведь самый популярный экспонат на выставке — это ты.

А. Лонгинов

Весной в Жувинтас прилетают лебеди и разбиваются на пары. В это время можно увидеть, как дерутся самцы. Каждый хочет занять территорию, где больше корма и где лучше построить гнездо. Перед дракой лебеди сближаются, кружатся на одном месте. Сильный самец старается забраться на спину противнику, хватая его клювом за голову и норовит опустить в воду. Того и гляди утопит своего собрата. При этом он еще и бьет потерпевшего крыльями. Правда, такие жестокие драки случаются нечасто.

Наконец территория выбрана, и лебеди строят из тростника большое гнездо. Самка откладывает до восьми яиц, но, не дожидаясь конца кладки, она приступает к насиживанию, которое длится больше месяца. Выводят птенцов лебеди каждый год на старом месте, иногда даже в том же гнезде.

Оставив на время гнездо, лебедь-мать

отправляется кормиться. Она опускает голову в воду. Через некоторое время вытаскивает ее. В клюве трава, корни растений. Это пища лебедя-шипунца.

Самец тоже занят важным делом: он зорко охраняет свою территорию и не пускает на нее ни холостяков, ни других птиц. Всех он встречает шипящим «тс-тсы-ы», «тс-сыссы-ссы-сс», словно прогоняя непрошенных гостей.

Но вот приходит время, и в чаше-гнезде появляется первый малыш. У родителей клювы красные, а у него черный. Сероголубые перышки-пушинки еще не обсохли. Новорожденный прячется за яйца, опускает голову в гнездо и замирает в тростниковом ложе. А рядом старается пробыть на свет другой птенец.

Но настает день, когда и последний птенец покидает свое убежище. Правда, на ночь семья возвращается на отдых в свое гнездо. А когда птенцам исполнится неделя-две, они уже не придут сюда: подросли, места им не хватит в гнезде. Лебедята теперь плавают по всему озеру, но пока в сопровождении родителей.

В конце июля на линьку в Жувинтас слетаются лебеди с других озер Литвы. Здесь, в «джунглях», они чувствуют себя в безопасности. В это время в заповеднике собирается более двухсот шипунов.

А. Михайлов
Фото автора

РОССИЯ

Я люблю мою Россию
 За рассвет и за закат,
 За дождинки голубые,
 За багряный листопад,
 За весенние поляны
 В желтом мареве цветов
 И за шепот тихий, нежный
 Опадающих листьев.
 Катит воды голубые
 Меж лесов моя река,
 Холодна вода в пучине,
 Холодна и глубока.
 А в воде прозрачной, чистой
 Моет волосы трава.
 Это все моя Россия,
 Это Родина моя!

Таня Чистякова

Тульская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

А. Иванский. Отрадное беспокойство	1	С. Кустанович. Прodelки суслика	22
Колосок	6	И. Вайштейн. Цветы тундры	26
С. Хлавна. Тур-волшебник	12	В. Очев. Гость из прошлого	33
Лесная газета	16	Клуб Почемучек	36
		Остановись, мгновенье!	42
		Хоровод лепестков	44
		Записки натуралиста	49
		Знать, беречь, множить	55

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — малый воробей, житель Индии и Цейлона; на четвертой — белохвостый олень. Фото из журнала «Натурал хистори».

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ 251-15-00

год 4-80

Редколлегия: Виноградов А. А., Корчагина В. А.,
 Клумов С. К., Пономарев В. А., Подrezова А. А.
 (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин
 Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В.,
 Ярыкалов А. Б.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор
 Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
 Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 31/1 1975 г. Подписано к печати 3/11
 1975 г. А11508. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55).
 Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 136. Цена
 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
 Адрес издательства и типографии: 103030, Москва,
 ГСП-4, Сушеская, 21.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Какое лучшее время года?
 Ну, конечно же, весна!
 Радость видеть, что природа
 Пробуждается от сна.
 Голубое небо все выше,
 Все прозрачнее облака.
 Важно голуби ходят по крыше,
 Старый лед проломила река.
 Воздух чистый, прозрачный,
 приятный,
 Как легко и привольно дышать!
 Мир становится очень опрятным,
 Начинает все вдруг расцветать.

Юля Бекенева

Ленинградская область

ВЕЧЕР

Покрывает небо
 Розовый закат.
 Над Днепром могучим
 Облака летят.
 На высоких склонах
 Тихо ивы спят.
 Словно часовые,
 Тополя стоят.
 Вечер наступает,
 Дремлет все в тиши.
 Лишь в заливах нежно
 Шепчут камыши.
 За косой песчаной
 Льется песни звон.
 Синий вечер стелется
 Над родным Днепром.

Вилена Чижова

г. Киев

Индекс 71121
20 коп.